

Арслав Зуев

БУДНИ рэкети́ров

Триста лет спустя

Ярослав Зуев

Будни ракетиров или Кристина

«Автор»

2002-2004

Зуев Я. В.

Будни рэкетиров или Кристина / Я. В. Зуев — «Автор»,
2002-2004 — (Триста лет спустя)

Очередной эпизод замечательной бандитской саги о трех рэкетирах. Приключения Атасова, Протасова, Армейца и Бандуры продолжаются. После гибели уголовного авторитета Виктора Ледового обезглавленная группировка переживает тяжелые времена. Новый босс занят созданием финансовых пирамид, изымающих денежки изысканней рэкета и банального грабежа. Пока шеф закладывает кирпичики в фундамент будущей империи, наши герои тоже не сидят сложа руки. Протасов спит и видит, как бы ловчее «кинуть» банк, вместе с операционистами, экономистами, управляющим и секьюрити, при этом не загудев на нары. План выношен на окраине мегаполиса, куда Валерку и его верного «оруженосца» Вовчика Волыну загнали финансовые проблемы. В старом деревенском доме неуютно по ночам, в округе творится всякая чертовщина, неподалеку заброшенный погост, и на нем, как выясняется, неспокойно. Протасов, правда, не верит в существование потустороннего мира, но тот, оказывается, прекрасно обходится без его веры. Финансовые махинации – занятие, требующее определенных навыков и знаний. Неискушенному Протасову активно помогает Мила Кларчук. Правда, по заданию полковника Украинского. У УБЭП тут свои интересы. Пока Протасов все больше забирается в милицейскую ловушку, Андрей Бандура обеспокоен исчезновением любимой Кристины и пытается выяснить хоть что-то. Когда же крымские бандиты, прибывшие в столицу на разборки, случайно натываются на госпожу Кларчук (у них к ней – старые счеты), начинается самое интересное. Лихие погони и кровавые разборки, интриги и загадки. Роман заинтересует не только читателей, уже знакомых с другими книгами этого цикла, но и тех, кто впервые встретится с героями Ярослава Зуева.

© Зуев Я. В., 2002-2004

© Автор, 2002-2004

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	38
Глава 5	52
Глава 6	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Ярослав Зуев

Будни рэкетиров или Кристина

*Моему редактору Аркадию Медвинскому
За неоценимую помощь, добрые слова, критику,
И вообще, за то, что заметил*

Глава 1

НА РУИНАХ ВОЗДУШНЫХ ЗАМКОВ

День 24-го февраля 1994

Твой Агасов, в натуре, какой-то зашифрованный Онассис,¹ – заявил Протасов, не потрудившись дожевать круасан. Крошки летели в физиономию собеседнику, что, впрочем, Протасова нисколько не смущало. Он не на шутку разошелся, как случалось почти всегда, когда речь заходила о деньгах.

Урка, блин, в натуре. Урка конкретная. Сiju на нарах, как король на именинах, – с чувством пропел Протасов, демонстрируя определенные познания в бородатом лагерном фольклоре, – и пайку черного мечтаю получить...²

Андрей с удивлением посмотрел на Валерия.

– Ты это о чем, брат?

– Ты реально такой тупой, или грамотно шифруешься?

Андрей скромно кивнул:

– Ага. Притворяюсь.

– Ловко у тебя выходит, – похвалил Протасов. – Нет, в натуре, пацаны, вот был у меня дружок. Так ему пять лет дали. При совдепе еще...

– За что? – механически спросил Андрей. Так, для поддержания разговора. Ему было не очень интересно.

– За незаконную трудовую деятельность, е-мое. – Важно пояснил Протасов. – Он машины рихтовал. Руки у него не из сраки росли, чтобы ты врубился, что к чему, братишка. Золотые, мать их, руки. Рихтовка любого уровня сложности. Просекаешь? А железо обратно выгнуть – это тебе не вогнуть. Раздолбать каждый мудака может, а ты поди – верни, как было.

Андрей возражать не стал. Ломать не строить. Эта нехитрая истина известна многим, и с ней сложно не согласиться.

– Так за что ему дали срок?

– За жадность, Бандура. Ты что, неумный? Он же на себя пахал, бабло, значит в карман, а держава таких делов не полюбляет. Вот, блин, как. Если каждый хорек на себя горбатиться будет, а на дядю хрен с музыкой, откуда дяде на спецпак взять? Короче, пять лет, с конфискацией лично принадлежащего. И без базара, чтобы ты понял. – Протасов, для солидности, выдержал паузу. Андрей воспользовался случаем, и глубокомысленно почесал затылок.

¹ Аристотель Онассис, (1906–1975), миллиардер, судовладелец и пр., сколотивший состояние на поставках нефти во время Второй Мировой войны. Интересно, что в ее ходе из 450 кораблей греческого флота 360 было потоплено, среди них ни одного, принадлежавшего Онассису. Про него говорили: «Если Ари захочет, то наладит и продажу холодильников эскимосам». Стал известен в СССР главным образом благодаря женитьбе на Жаклин Кеннеди, вдове президента США, которую он, грубо говоря купил, как очередной супертанкер. В офисе миллиардера вдову Кеннеди именно так и называли, за глаза. Здесь и далее примечания автора

² Автор текста песни «Сiju на нарах, как король на именинах» – ленинградский бард Глеб Горбовский (р.1931)

– Ну вот, – продолжал Валерий. – Сходил он, значит, на зону. От звонка, блин, до звонка оттарабанил. На зоне, правда, тоже рихтовал.

– Как это? – не понял Андрей. Протасов постучал по виску.

– Молча, блин. У вертухаев машины есть? Есть! У комов есть? Есть. У госов тоже есть. Тачек на воле вообще до хрена и больше, если ты не в курсе, Бандура. И ломаются, будь здоров. Вертухаям жить как-то надо? Надо, блин! Желудки растянутые, плюс женки с детьми малыми. Он тачки ремонтировал, они бабки снимали. Что, блин, непонятного?! Ему тоже перепадало – когда чайку нальют, когда колбаски подбросят. Курева подкинут, или травки, к примеру. Въехал, да?

– СТО на тюрьме?

Хор имени Пятницкого,³ зема. Ну вот, блин. Пришел Юрка в 90-м...

– Приятель твой? – уточнил Андрей.

– ...пришел, значит. Я ему: «давай бизнес замутим. Есть тема, конкретная». А он, блин, целыми днями, лежит себе на кровати, и все от винта. Понял? По барабану. Матушкина пенсия есть? На цифирь и «примку» хватает, картошку в мундирах отварил, и порядок. Ништяк. Пополом земля. Ни хрена больше пацану не надо.

– Ну... – неуверенно начал Андрей, которому рассказанная Протасовым история вовсе не показалась надуманной. – А при чем тут Атасов?

– Как это, блин, причем? – и Протасов снова запел:

Сижу гляжу в окно,

Теперь мне все равно,

Решил я факел своей жизни потушить.

– Ему ни хрена не надо, а нам за компанию хрен сосать? Я, Бандура, не согласный.

– Я тоже, – кивнул Андрей, карманы которого были пусты, словно древнеримские сокровищницы после нашествия вандалов.

– Может, у Атасова под паркетом золотишко отложено? Почему, е-мое, мне знать? Я, Бандура, не в курсе. Не из красноперых, блин.

– Да откуда у него?

– Как это, откуда? Ни хрена себе? Ты гонишь, братишка! Дедуган на реквизициях добыл. Ты, Бандура, в натуре веришь, будто у ГэБэшников при шмонах к рукам ни хрена не прилипало?

– Я не знаю. – Андрей потер лоб.

– Он, блин, не знает! – фыркнул Протасов.

– По-любому, – эхом откликнулся Вольна.

– Нам, Бандурчик, жрать не фиг. Носки, блин, в дырках. Колени на штанах протерты. Вовчик скоро на махорку перейдет...

– Уже перешел. По-любому.

– Тем более, блин. Денег нет, а Атасов и в ус не дует.

Времена и вправду наступили смурные. Осколки группировки Виктора Ледового,⁴ будто льдины в весеннее половодье, уныло дрейфовали по течению, ведомые некогда твердой, а ныне основательно ослабевшей десницей Олега Петровича Правилова. Новый главный босс, Артем Павлович Поришайло, между приближенными называемый Папой, рэкетиров не жаловал. Артем Павлович создал и открыл акционерный банк «Бастион-Неограниченный Кредит». В историческом центре города. Мраморный холл с колоннами и портиком, будто при входе в древнегреческий храм, посреди холла бассейн, а по бассейну – рыбки плавают. Суммы, проходившие через корсчета «Неограниченного кредита», во много раз превосходили те, что голо-

³ Государственный русский хор, создан в 1936 в Москве. Организатор и главный дирижер (до 1980) А.В.Свешников

⁴ О Викторе Ивановиче Ледовом рассказывается в первых двух книгах романа

ворезам Олега Петровича случалось выбивать с того или иного лоточника-ларечника, порой вместе с коренными зубами, зубными протезами и почками. Скупка золота, организованная некогда Виктором Ледовым и Тренером с поистине молодецким размахом, этот самый размах утратила, потому как запасы населения в драгметаллах к середине десятилетия иссякли, словно золотоносные жилы на Клондайке. Все хорошее рано или поздно заканчивается, а бесконечна лишь Вселенная. Да и то – кто ее, «конкретно», знает.

Силовая структура, выпестованная стараниями Ледового, Тренера и Правилова, потеряла былую мощь и использовалась Поришайло время от времени, и от случая к случаю. Для выполнения самой грязной, самой черновой работы. У Артема Павловича были свои методы, свои подходы и свои рычаги, о механизме действия которых такой маленький человек, как Андрей Бандура, мог разве что только догадываться. Финансовые ручейки, питавшие некогда Правилова и его людей, оскудели, будто родники в вековую засуху. А соответственно, опустели и карманы господ Атасова, Протасова, Армейца и Бандуры. Справедливости ради необходимо признать, что денежные проблемы Атасова не то, чтобы не трогали. Как раз наоборот, трогали, и еще как, вынуждая все чаще прикладываться к бутылке. Очевидно, в жизни Атасова наступила черная полоса, и его обуяла черная меланхолия. Атасов запил по-черному. Алкоголь разбудил в его душе фаталиста, какой там, по большому счету, и в лучшие времена чаще бодрствовал, нежели спал. Короче, запои следовали за запоями, отчего четверка (не считая Вольну) осталась без признанного вожака.

– Хоть, блин, в милицию иди! – разводил руками Протасов. – Ей Богу, в натуре. Пушку с ксивой выдали – и наезжай, на кого хочешь. Пока наезжалка не сломается. Легально и нахально.

– Во-во, зема. Правильно. Давно пора, – немедленно подхватил Вовчик. – К дяде Грише подадимся. По-любому.

– Да валит рогом твой дядя Гриша! – в сердцах сплюнул Протасов, не забывший о раз и навсегда утраченном «Ниссан Патроле». Вовчик обижено засопел.

Безденежье удручало приятелей. Они выкручивались как могли, но, любое мало-мальски приличное дело требует приличных опять же вливаний, а вливать им стало нечего.

– Нужно твой пентхаус загнать, – предложил Бандура, – Вот и будет стартовый капитал. При этих словах Протасов, похоже, подавился.

– Ты, блин, опух, вообще, в натуре?!

– Задвинем его штук за пятьдесят зелени, – пошел развивать мысль Андрей, игнорируя выпученные глаза и перекошенную физиономию Валерия. – Тут тема есть.

– Что за тема, земля? – оживился Вольна.

– Нормальная, – проникновенно сказал Бандура. – Конкретная. Есть у меня пассажир. У него родной дядька в начальниках шахтомонтажного управления ходит. На Донбассе. Им там транспортерная лента нужна. До хрена и больше. И до зарезу. Мой пассажир...

– Племянник, то есть?

– Не перебивай, – важно сказал Андрей. – Племянница. Так вот. Мой человек знает, где эту ленту взять. Мы ее, короче, берем, и загоняем, к матери, на Донбасс.

– Для этого фирма требуется, – протянул Вольна, за полгода пребывания в городе поднаторевший в кое-каких вопросах. – Расчетный счет, зема. Дебит-кредит, и все дела. По-любому.

Андрей презрительно хмыкнул:

– Мало фирмочек под правилонской крышей?...

– Тогда в чем загвоздка, земля?!

– Деньги нужны, – пояснил Бандура. – Вкладываем пятьдесят штук. Умножаем на три. Выставляем счет-фактуру.

– Какой счет?

Нетерпеливо поморщившись, Андрей взялся за лист бумаги и фломастер, принявшись разрисовывать схему.

– Этот квадрат – наша фирмочка... этот – шахтомонтажное управление. Этот – база, где товар лежит, – комментировал по ходу Андрей. – Теперь так, – он соединил прямоугольники жирными стрелками наподобие тех, какими на географических картах мира принято обозначать горячие и холодные течения. – Теперь так. На местной базе, где транспортная лента лежит, расплачиваться будем наличкой. Лента по балансу списана, на бумаге не числится, так что все лаве директору базы прямо в карман.

Для наглядности, над стрелкой, протянувшейся к базе, Андрей поставил жирную букву «Ж» – Живые. То есть наличные деньги.

– Если за ленту налом башлять, откуда возьмутся документы? – вяло подключился Протасов. На его лице оставалась инертно-скептически унылая мина, хотя в глазах и появился слабый пока огонек.

– Накладные Полянский выдаст, – заверил здоровяка Андрей.

– Какой Полянский? – не понял Волына.

Протасов сначала напряг было лоб, а потом плотоядно заулыбался.

– Это что, тот хорек неумный, у которого я для тебя «бэxu» реквизирувал?

– Точно, – усмехнулся Андрей, и они с Протасовым обменялись взглядами людей, вместе обтяпавших выгодное, но грязное дельце.

– Ну и память у тебя, Андрюха! – восхищенно добавил Валерий. – Я уже и забыл про того полудурка.

Как, очевидно, помнит читатель, несчастный Полянский, арендовавший часть крыла в детском саду и собиравший там компьютеры силами четырех студентов-старшекурсников и своими собственными, весной истекшего года угодил в поле зрения Протасова. Детсад, а соответственно, и крохотная фирма Полянского (малое предприятие, если уж быть абсолютно точным) оказались на территории, которую Протасов посчитал своей. Возможно, на тот момент это и соответствовало реальной карте криминального деления мегаполиса. Так или иначе, рэкетеры наехали на предпринимателя. Сначала у Полянского забрали «БМВ». То самое, которое Бандура впоследствии разбил. Потом у Полянского отобрали компьютеры. Пожалуй, остался бы предприниматель и без квартиры, но, к счастью, собственного жилья у него не было. Впоследствии предприниматель жестоко пострадал от милиционеров Украинского – его золотистое «БМВ» числилось в розыске стараниями Бандуры, и Полянский угодил под подозрение. Со всеми вытекающими последствиями. Такими, что вскоре мог по праву подтвердить интернациональную сущность известной бразильской поговорки (по крайней мере, для стран третьего мира): ЕСЛИ НА ВАС НАПАЛИ ГРАБИТЕЛИ, НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ КРИЧИТЕ. ВОПЛЯМИ ВЫ РИСКУЕТЕ ПРИВЛЕЧЬ ВНИМАНИЕ ПОЛИЦЕЙСКИХ. В конце концов Полянскому удалось таки вывернуться, и даже восстановить свой бизнес. Он снова собирал компьютеры, ежемесячно отстегивая рэкетирам Правилова скромные двести долларов «за защиту».

Едва речь зашла о фирме, которой доведется отмывать грязные деньги, Андрей немедленно вспомнил о Полянском. Добрые дела требуют завершения, а злые о завершении вопиют. *«И потом, «бимер» этого мудака вечно на трех цилиндрах заводился. Так и по делом ему, козлу».* Протасов изящную мысль Андрея воспринял, можно сказать, с восхищением.

– Точно, блин! Этого клоуна и подставим. Куда он денется?!

Деваться Полянскому было некуда. Точно как советскому матросу Рабиновичу, призванному служить на подводной лодке.

Предвкушение грядущего наезда на старую жертву подняло обоим приятелям настроение.

– Накладные Полянский выдаст, – весело повторил Андрей. – Аж бегом. Как я уже сказал, умножаем цену на три, и втюхиваем транспортную ленту шахтерам.

Над стрелкой, соединившей квадрат фирмы господина Полянского с квадратом шахто-монтажного управления Андрей поставил знак простой математической операции – «X» – умножить.

– Умножаем на «3»! Дошло?

– Не тупой, блин! – обиделся Протасов.

Он энергично потер переносицу:

– А почему, в натуре, ты, Бандурчик, умножаешь на три, а, к примеру, не на пять, бляха-муха? А? Пять лучше трех, брат!

– По-любому, зема!

– На три, Валерчик, умножаю не я, а мой пассажир. Точнее, даже не он, а его дядька-начальник. Половина вершка идет им, половина – нам. По-моему, это справедливо. – Андрей закурил сигарету. – А «на три» потому, что умножать «на пять» дядька-начальник харей пока не вышел. Не дорос еще, чтобы вы оба врубались.

– А... – протянул Протасов. Тогда ясно. – И Валерий погрузился в размышления.

– Пускай предоплату дают, – изрек он наконец, – предоплата – в самый раз будет.

– По-любому! – поддакнул Волина. – С пивом покатит.

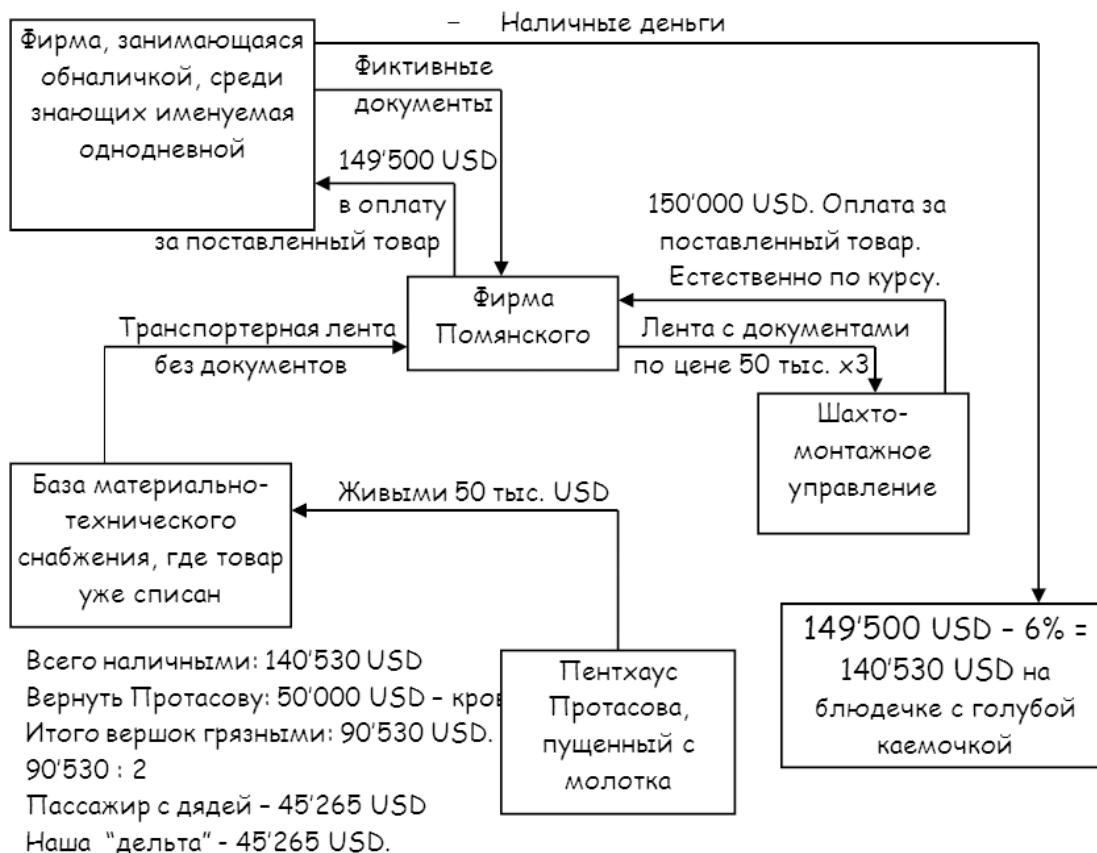
– Не пойдет, – Андрей покачал головой, – оплата по факту поставки. У них правила такие. Чтобы не опрокинули.

Протасов неуверенно хмыкнул:

– А как мы свое бабло снимем?

– Элементарно, Ватсон, – Бандура принялся чертить на листке новый веер стрелочек.

Вышло примерно следующее:

Протасов скептически улыбнулся:

– Картины рисовать не пробовал, брат? У тебя, как я погляжу, талант. На Андреевском спуске с руками оторвут. Гарант.

– Леонардо не Довинченный, – ощерился Вовчик. – В БХСС протащатся. По-любому.

– Можно углем взять, – сказал Андрей, пропустив солдатский юмор зем мимо ушей. – Углем на все «восемь» умножим, но с ним геморроя не оберешься. Его на электростанции запахивать... Под векселя...

– Геморрой нам без надобности, – отмел бартер Протасов. – Нам лаве давай. Чистоганом. – Повисла небольшая пауза.

– А накладные расходы? – спросил, наконец, Протасов. – Транспорт там, погрузки-разгрузки?

– А, копейки, – небрежно отмахнулся Бандура.

– Копейка рубль бережет, – веско предупредил Волына. – По-любому...

– А чего Полянскому отломится? Со всей твоей темы?

– Накладные фирмы-однодневки, – ухмыльнулся Андрей.

– Нет, серьезно, в натуре?

– Ну... – Андрей развел руками. – Пол штуки баксов на счету останется. Из этого он налоги насчитает. Ну... может, и кинем, пару штук, за труды.

– Пару соток, – поправил Волына, которого отличала выборочная бережливость, – пару соток в самый, по-любому, раз будут.

– Так за чем остановка, Бандурий?

– Как за чем? За твоим пентхаусом. Я же сказал – нужен стартовый капитал. Маркса с Энгельсом не читал?

– С пентхаусом кина не будет, Андрюха. – Протасов уныло вздохнул. – Накрылся пентхаус. Тем местом, где геморрой живет.

– Как это?

– Каком кверху, Бандура. Загнал я его. В октябре еще. Все бабло в «МММ» запулял. Под проценты.

– «МММ» – без проблем. По-любому.

– Ты что, дурак? – вырвалось у Андрея. Ответ на этот нехитрый вопрос у него, кстати сказать, тоже имелся. – Это же кидалово чистое. Тебе ж Эдик растолковывал, когда ты в августе со своим «МММ» долбаным носился. – Андрей не верил ушам, хотя Протасов, в середине ушедшей осени, и исчезал с Вовчиком недели на три. Правда, земы покидали город по совсем другой, весьма невеселой причине. Им довелось съездить в Цюрюпинск, хоронить маму Волыны. Несчастливая женщина скончалась где-то в первых числах октября, если Андрею не изменяла память. Насколько слышал Бандура, земы на похороны опоздали. Пока телеграмма с черной вестью разыскивала Вовчика в городе, пока Протасов и Волына собирались в дорогу, и пока тряслись в поезде, наконец, соседи похоронили старушку миром, по-соседски. В селах это проще, чем в городе. В селах люди еще не приучились отворачиваться, когда к кому-то в дом приходит беда. Хотя бы в таких вот случаях.

Итак, земы на похороны не успели, а прибыв в Цюрюпинск, обнаружили свеженасыпанный холм под крестом, сваренным из пятидюймовых труб и выкрашенным серебрянкой.

В город Протасов и Волына вернулись к середине ноября. Никто их особенно не спрашивал, а Атасов вполголоса обронил Бандуре: «Что тут, типа, удивительного. Ты же знаешь, как оно бывает. Сел за стол на поминках, встал, типа, после сороковин... обычное, типа, дело...»

Теперь же выходило так, что приятели не все время торчали в Цюрюпинске, а еще прокатились в Москву.

– Ты чего, зема? – прервал ход его мыслей Волына. – Какое там кидалово? Реально все. По уму. Ты что, рекламу по телику не видел? Я мамкину хату загнал. С участком. И все туда – в «МММ».

Андрей поймал себя на мысли, что известие о продаже пентхауса (которого никто ни разу в глаза не видел), вызвало у него в душе какую-то неосознанную тоску. За без малого

год, проведенный Андреем в столице, он успел пообтесаться немного, провинциальная шелуха слетела с него, как с ореха. Побасенкам Протасова он давно не верил, слушая Валеркины разглагольствования без открытого рта и выпученных глаз. Пентхаус же превратился для него в некую чудесную легенду – все сплошь брехня, скорее всего, а один черт приятно. Теперь же легенда умерла, и мистический пентхаус встал на путь к забвению.

А ЛЕГЕНДАМ НЕ ПОЛАГАЕТСЯ УМИРАТЬ.

– Вперед пускай башляют, – посоветовал Протасов и свел брови.

– Не заплатят они, – покачал головой Андрей. – У них порядок такой: Оплата по факту поставки.

– Ну, я же говорил – тогда кина не будет.

Андрей пожал плечами:

– Где тебя искать, если что?

Так ни разу в жизни не посетив заоблачный пентхаус Протасова, Андрей вынужден был признать, что и ни в каких прочих Валеркиных жилищах ему побывать не случилось. До путешествия в Крым Валерий отделялся туманными отговорками – «перекрываюсь, блин, у жены одного нового русского. В самом центре. Квартира двухуровневая. Не мой пентхаус, конечно, всего две ванны и три толчка. Временно кантуюсь, чтобы до тебя дошло». После, с появлением Вовчика, Валерий пустился в рассказы о мифическом пригородном особняке какого-то крутого бизнесмена: «Козырь, блин, из Штатов не вылезит, русская мафия, если кто не в курсе. Бабки бульдозером загребают. А я, покамест, с его дочкой зависаю. Девка, блин, чумная. Огонь, бляха-муха. Извращенка конкретная. Да ты что...» – распинался Протасов примерно в середине ноября. «Волына у нас привратником подрабатывает, – совсем разошелся Валерий, – лакеем, чтобы ты въехал, Атасов». «Д-дворецким», – поправил Армейец. Протасов смерил Эдика презрительным взглядом и уже собирался открыть рот, как был неожиданно перебит Атасовым: «Чего ж она тебе, типа, тачку не купит, если денег куры не клюют? А, типа?» Протасов рассерженно засопел. Вопрос так и остался без ответа. После поездки в Крым они все (за исключением везучего Эдика) сделались безлошадными. Правда, была еще «Альфа Ромео» Атасова, доставшаяся от безвременно скончавшегося Гамлета. Кузов «итальянки» хронически страдал от коррозии, и Атасов утверждал, что он склепан из консервных банок. Что же касается мотора, то два карбюратора, установленные под капотом этого спортивного некогда купе с легкой руки конструкторов из Турина, оказались не по зубам местным доморощенным карбюраторщикам. Атасов страшно ругался, угрожая кое-кого, типа, и пристрелить, да все даром. Машина фыркала, чихала и сохраняла приемистость на уровне ушастого «Запорожца». Поскольку к концу года Атасов ушел в долгий, как полярная ночь запой, «Альфа» мирно ржавела под парадным, во дворе дома по улице госпожи Василевской.

Поскольку мотоцикл Волыны, единственная память об отце, был брошен земами в пригороде Ялты, сбережь своего коня удалось одному Армейцу. Эдик ездил на «Линкольне», вызывая едкие шуточки Протасова, а то и вовсе выводя Валерия из себя.

– Ну и крыса ты, Эдик! Голимая, блин, крыса.

– Да в чем я ви-виноват?!

– Хитрожопая ты морда! Лучше заглохни.

* * *

– Так что не будет кина с пентхаусом, – повторил Протасов угрюмо.

– А... – протянул Андрей, все еще переживавший отголоски крушения замечательной легенды. – А...

Валерий сразу засобирился.

– Раз тут ловить нечего, то мы с Вовчиком покачали.

– Куда? – рассеянно спросил Андрей.

– На дело, в натуре.

– На какое дело?

– Трехмиллионное, – пояснил Протасов, засовывая ноги в чудовищных размеров инсулы.

За окном стояла последняя неделя февраля, сырая, холодная и безденежная. – Пошли, Вовчик. Сам о себе не позаботишься, ни одна гнида о тебе не позаботится. Кроме меня, в натуре. Еще на этот гребаный скоростной трамвай шлепать, через долбаный на хрен снег.

С «Ниссан Патролом» Протасов, как известно, распрощался в Крыму. Купить нечто аналогичное не позволяли финансы, ездить на «Жигулях» было ниже его достоинства. Городской транспорт Валерия угнетал.

– До смерти меня задрал! – время от времени жаловался Протасов. – Все кишки отдавили. Никакая, блин, девственность этих троллейбусов с трамваями не выдержит. Однозначно, блин, говорю.

При упоминании «скоростного трамвая» Протасов скорчил такую кислую мину, что Андрей едва не расхохотался.

– А мне нравится, земля, – сказал Вовчик, хлопая длинными, загнутыми кверху ресницами.

– Ты идиот неумный, потому тебе и по кайфу, – отозвался Протасов уже с лестничной площадки. – Не стой в дверях, Бандура. Схлопочешь насморк. Или пневмонию заработаешь. Тебя Бог и так отпустил, сходить помочиться, и мухой обратно. Иди помрешь? То-то будет цирк.

Проводив друзей до парадного, Андрей захлопнул дверь и усмехнулся, представив, как Протасов плетется по мокрому снегу, проваливаясь в грязно-серые сугробы, и проклиная все на свете.

– Надо Протасову пластмассовый руль подарить, – пообещал себе Андрей, и, все еще улыбаясь, вышел на кухню.

С трех и где-то до семи лет Андрюша мечтал о пластмассовом руле. О здоровенном таком, насколько припоминалось Андрею, с ребристой поверхностью, в точности, как у настоящего руля, и круглой блямбой сигнала посередине. Руль Андрею так и не подарили. Хотя, возможно, рулей просто не оказалось в продаже. Союз был страной хронических дефицитов. Были бы рули, отец бы непременно купил.

«Отцу бы письмо пора написать... Раз уж ты о старике вспомнил...»

«Как поздравил на Новый Год телеграммой – так uadiu. Бог его знает, как он там, в Дубечках-то... Чем дышит, и все такое...»

Зачастую вернуться назад много сложнее, чем двигаться вперед, как это ни странно. Объяснить подобное положение вещей Андрей толком не мог. Он уже около года, как не был в Дубечках, и не очень-то за ними соскучился. С глаз долой, из сердца вон, гласит добрая народная поговорка, а поговорки не дураками писаны. По крайней мере, вовсе не теми ребятами, что строгаи лозунги советской эпохи. «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи». «Ленин и теперь живет всех живых...». Бр... Вспоминать тошно. Нынешняя реклама разного дерьма типа «два в одном», и та, звучит правдоподобнее.

Дубечки Андрей вспоминал изредка, но, чтобы убиваться за ними... Вероятно, родовое гнездо из реальной жизни перекатилось в область воспоминаний, стало чем-то вроде собственных черно-белых фотографий верхом на велосипеде «Школьник» – вспомнил, вздохнул, и поехали дальше.

За год Андрей отправил отцу целых три по-спартански лаконичных телеграммы. Первую летом, после экспедиции в Крым, осенью на День Рождения, и, наконец, под Новый Год. С Новым Годом, с Новым Счастьем, Батя. Хотя, конечно, какое у него там оно...

Хотел, правда, письмо сварганить. Намерение было хорошим и согревало душу. Но, не написал, и не отправил. Как-то руки не дошли. Да и денег не было.

«Прекрасная отговорка, старик. Денег вечно не хватает, и то, что так и тянет отложить на завтра, откладывается до болееблагополучного финансового момента, который, не исключено, вовсе никогда не наступит».

Андрей взял со стола банку гранулированного кофе и взвесил в руке. Пусто. Потряс, для верности, над ухом. Банка напоминала погремушку, в которую на фабрике игрушек позабыли вложить шарики.

Продолжая потряхивать банкой, словно бейсбольный питчер мячиком перед броском, Андрей застыл у окна. С неба, остававшегося угольно-серым, повалил мокрый снег хлопьями, заставив немногочисленных прохожих сутулиться, втягивая головы в плечи.

– Ну и погода. – Андрей поежился. – В такую, – только под одеялом и лежать. С Кристиной.

Только вот Кристины рядом не было.

Глава 2

КОГДА СЛЕТАЕТ КРЫША...

Чтобы узнать, а куда же, собственно, подевалась Кристина, нам доведется оглянуться назад. Оттянуться, как, пожалуй, выразился бы Протасов, в жаркий июнь 93-го года, когда Кристина, в обществе Атасова и Бандуры, только-только вернулась из Крыма. Как, очевидно, помнят Читатели, стоило управляемой Атасовым «Альфе» пересечь Большую Окружную дорогу, как Кристина попросила подбросить ее домой. На Оболонь. Бандура возражать не посмел. Нежно поцеловав Андрея, Кристина выпорхнула из машины. Дверь за нею захлопнулась, и она надолго пропала из жизни молодого человека.

Бандура тяжело переживал разлуку. Да, Кристина была много старше, и к тому же она была замужем, а обстоятельства, при каких состоялось их первое свидание, нельзя было назвать романтическими. Но, несмотря на все это, и, даже, всему этому вопреки, любовь казалась Андрею настоящей, а чувства искренними и очень сильными. В общем, ему ее здорово не хватало.

* * *

Напуганную бандитской романтикой Кристину потянуло к безвольному, зато безобидному Вась-Васю, как битую собаку в старую конуру. Они с Васей притирались годами, у них был общий бизнес, приносивший немалые доходы, общая, обжитая квартира, где хранилось много дорогих сердцу вещей, где можно было отдохнуть и расслабиться, чувствуя себя в относительной безопасности. Общая машина, общий гараж и даже никчемная и убогая, но все таки своя дача в Загальцах. У них было общее будущее, пускай не ахти какое раздольное, пускай с элементами кислинки, зато обещающее стабильность. А СТАБИЛЬНОСТЬ, как выяснила на собственной шкуре Кристина – дорогого стоит. Правда, Вася обещался стареть, причем процесс этот был не за горами. Лучшие годы Бонасюка отошли в прошлое. Если таковые имели место. Кристина что-то не припоминала. Ну, так она всегда могла завести «бой-френда», как это принято сейчас говорить. Благо, внешние данные позволяли. Что же касается дряхлеющего супруга, то, какими бы темпами он не старел, до того состояния, чтобы ходить под себя во сне, ему было далековато. И потом, эти замечательные западные технологии, продвинутые далеко вперед, со своими ноу-хау в виде памперсов для взрослых, в состоянии избавить от многих неприятных проблем, сопровождающих наступление старости.

Кроме того, Вася был не просто супругом, он был ее Васильком, забота о котором давала выход материнской энергии Кристины. Ведь детей-то у них не было. Может, они во многом и продержались так долго вместе благодаря родительской опеке, добровольно взятой Кристиной над Вась-Васем. Она пробовала (честно пробовала) перенести заботу на Андрея, но уж слишком он был шепушным. Вечно куда-то летел, в кого-то стрелял, и от кого-то бегал. Возможно, Андрей просто оказался для нее чересчур молодым. Когда вы уважаемая матрона балзаковской поры, девятнадцатилетний бой-френд совсем неплох, чтобы взбодриться и как следует потряхнуть стариной. Но, не в чрезмерных дозах.

Правда, у них с Васей не могло быть общих детей. В июле супруги прошли медицинское обследование в Центре матери и ребенка, не оставившее ни единой надежды. Выводы врачей были однозначны: их пара бесплодна, словно высушенная солнцем трещина в пустыне. Под конец обследования доброжелательный бородатый доктор (каким ему и положено было быть за Васиных триста пятьдесят баксов) покачал головой, сдвинув накрахмаленную белую шапочку

на затылок. Кристина, и без того сознававшая, что после внематочной и перенесенной затем операции шансы ее не велики, не захотела тянуть с приговором:

– Доктор, скажите прямо. Не надо сглаживать углов. Ладно?

– В паре с супругом ничего не получится, – без обиняков сообщил врач. – Его сперматозоиды практически неспособны к оплодотворению.

– А искусственно?

– Боюсь, что Василию Васильевичу отцом не быть. Ни при каких обстоятельствах.

У Кристины задрожало веко, и врач погладил ее по плечу. Очень дружелюбно, по-товарищески.

– Возможно, с другим партнером шансы будут значительно выше. Но, нужно ложиться на лечение.

После этих слов Кристина снова задумалась о Бандуре. Заботливым и добропорядочным отцом Андрей представлялся с превеликим трудом. Впрочем, зачав от него ребенка, Кристина могла вырастить его с Васей. Вась-Вась детей любил, а к крестному сыночку Ленечке Ледовому некогда привязался, как родной отец.

– Доктор, я вас попрошу об одном одолжении. Пускай наш разговор останется пока между нами. Не стоит огорчать Василия Васильевича. Он такой ранимый, особенно в последнее время.

По пути домой Кристина сообщила Бонасюку, что у них вполне приличные шансы.

– Только врачи настаивают на курсе лечения. И, если у нас получится, надо будет на сохранение ложиться. Чуть ли не на все девять месяцев.

Вась-Вась был доволен, как паровоз, и казался моложе своих сорока пяти. Кристина шла рядышком, улыбаясь собственным потаенным мыслям.

* * *

Вась-Вась, к середине ушедшего лета, вновь принялся смотреть на жизнь с оптимизмом. Приключение с бриллиантами, случившееся на рубеже весны и лета, едва не стоило Бонасюку жизни. Сперва ему крепко досталось от Близнеца со Следователем. Это когда Андрей с Кристиной скрывались от милиции на даче Виктора Ледового, в то время как сам Ледовой сидел в следственном изоляторе. Следователь, Близнец и их шеф, полковник Украинский, трясли Вась-Вася, как взбесившиеся от голода кабаны дикую грушу, выбивая сведения, каких у Бонасюка и в помине не было. Правда, худа без добра не бывает. Чуть позже те же Следователь с Близнецом спасли Бонасюку жизнь, когда вышедший на волю и хватившийся бриллиантов Ледовой послал рецидивистов за Вась-Васем на Оболонь. Уголовники бы искромсали Бонасюка на куски. Между милиционерами и бандитами завязалась ожесточенная перестрелка, в которой стражи правопорядка взяли верх. Последовавшие затем полторы недели выдались для Бонасюка исключительно тревожными: жена то ли томила в КПЗ, то ли бежала с любовником. Кума Анна Ледовая угодила в психлечебницу, а ее муж трагически погиб. Шла настоящая криминальная разборка, с непредсказуемой пока развязкой. Василий Васильевич находился под неусыпным надзором милиции. Но, к счастью, в конце концов обошлось. Горячо любимая Кристичка, на которую он и сердиться никогда толком не мог, вернулась под конец июня. Милицейский прессинг ослаб. Вась-Вась снова открыл сауну. Бандиты Олега Правилова в баньке больше не появлялись. Им стало не до Бонасюка. Полковник Украинский куда-то пропал. Он безусловно, продолжал работать в органах, но с горизонта Вась-Вася исчез. Правда, Следователь с Близнецом, время от времени, напоминали о себе, к середине лета убедив Бонасюка, что крыши, лучше МВДэшной, не придумаешь, «...как не пыжься».

– От добра добра не ищут, Бонасюк. – Заявил Следователь, и Вася не нашелся с ответом. Но, поскольку вопрос с Ледовым закрылся, милиционеры Бонасюку не докучали. Подъезжали,

раз в месяц, за двумя сотнями долларов, по сотке на брата, и пропадали до следующего раза. *«Мне, поистине, теперь этим крысам по гроб жизни штаны поддерживать, – сокрушался Василий Васильевич, расставаясь с очередными салатowymi купюрами некогда самого вероятного противника, – теперь от них отделаться, все равно что Жучке клещей из-под хвоста выгрызть».* Не то, чтобы Следователь и Близнец стали полноценной Васиной крышей. Никаких гарантий они, естественно, не давали, на стрелки ездить не собирались, а просто доили Бонасюка, «по маленькой». Вась-Вась платил беспрекословно. Благо, от клиентов в сауне отбоя не было, так что финансы позволяли. Кристина об этом не знала. В вопросе своих отношений с Близнецом и Следователем Василий Васильевич проявил невиданную доселе скрытность. Поскольку мысли жены были заняты другим, тайна Вась-Вася так и осталась неприкосновенной, как знаменитая Военная Тайна Мальчиша-Кибальчиша.

В августе Кристина планировала лечиться на лечение. Андрея она после Крыма не видела. Да и сам Бандура перестал нервировать их звонками, доводившими Вась-Вася до нервных коликов. Стоило Бандуре свирепо засопеть в трубку, как у несчастного подгибались ноги, подпрыгивало давление и пробуждалась язвенная болезнь. Теперь же Андрей, очевидно, обиделся. Кристина полагала, что это к лучшему.

Вот тут-то жизнь и внесла коррективы. На сауну Бонасюков наехали рэкетеры. Василий Васильевич, зная, что на Следователя с Близнецом рассчитывать нечего, все же обратился к ним за помощью. Но, как и многие «крыши» того времени, милиционеры брали деньги ЗА ЗАЩИТУ ОТ СЕБЯ САМИХ.

– Нечего больше делать, Дима, как из-за какого-то толстожопого гада на бандитские пули нарываться, – усмехнулся Следователь, едва за Бонасюком закрылась дверь. Близнец придерживался того же мнения:

– Пускай губу закатает, образина жирная. Иж, умник, нашел себе, бля, Матросовых.

Вася, по привычке, упал в ноги Кристине:

– Кристичка! Поистине! Неприятности у нас! Бандиты наехали! Говорят, от какого-то Пузыря!

Но, Кристина, после падения Виктора Ледового и заточения кумы Анны в психлечебницу, утратила былые возможности. Иначе говоря, все ее связи, сосредотачивавшиеся на куме Анне, как жизнь Кощея Бессмертного в пресловутом яйце, ныне сидели в камере со стенами, выложенными толстыми резиновыми матами.

– От какого Пузыря, Вася?! – похолодела Кристина, пытаясь не поддаться панике.

– Группировка такая! – тараторил Вась-Вась, так широко надувая щеки, что в иных обстоятельствах она бы наверняка рассмеялась. – Пузырь, – продолжал Вася. – Авторитет, то есть.

Выходить напрямую на Правилова Кристине показалось не с руки. Вот и довелось, волея-неволей, вспомнить о брошенном Андрее. Более того. Он показался той самой соломинкой, за которую хватается утопающий. Кристина позвонила Бандуре, и он сразу согласился приехать.

* * *

Впрочем, поначалу Андрей встретил ее не приветливо. Воротил нос и делал все, чтобы казаться высеченным из гранита. Голос молодого человека дрожал. От обиды и чего-то еще, что Кристина немедленно распознала. Тем самым всепроникающим женским чутьем, обмануть которое по силам не каждому. По крайней мере, не такому малоопытному пионеру, каким в житейских делах казался и был Андрей.

Для начала Кристина пустила слезу. Затем, она приникла щекой к плечу брошенного любовника и так жалобно всхлинула, что дрогнуло бы и бетонное перекрытие. Футболка Андрея увлажнилась. Ее слезы были горячими.

В общем, к исходу первых пятнадцати минут оборонительные редуты, выстроенные Андреем накануне, оказались сметены, словно глиняная плотина могучим весенним паводком. Не прошло и часу с момента их встречи в кафе напротив Окружного военного универмага, как они очутились в квартире Бандуры на бульваре Лепсе. Молодой человек боролся со штанами, у которых очень некстати заело zipper, и пожирал глазами Кристину, устроившуюся на диване в одних трусиках. Пошедшего на них материала едва ли хватило бы на хороший носовой платок. Трусика были ослепительно белыми, сочетаясь со смуглой кожей и каштановыми волосами Кристины такой гремучей смесью, что у Андрея в три секунды отключились мозги.

Будь на месте Андрея такой тертый калач, как Атасов, он наверняка бы задумался о том, что надевая подобную вещицу, Кристина рассчитывала произвести впечатление. Навряд ли женщина, если только она не закоренелая модница, станет натягивать два квадратных сантиметра ткани, в каких, грубо говоря, ни лечь, ни встать, ни пройти.

Но, поскольку Андрей был самим собой, мысли о том, что их встреча совершенно хладнокровно спланирована, не зародились у него в голове. Может, и к лучшему.

Разделавшись, в конце концов с одеждой, Андрей влез на кровать, целеустремленный, как выпущенный на свободу сперматозоид. Кристина потянулась навстречу, завладев его самым чутким на этот момент органом.

– Давай начнем не с этого! – взмолился Андрей, предполагая, что не выдержит долго.

– Разве ты потом не сможешь? – на секунду отвлекшись, спросила она.

– Смогу, но...

– Тогда без никаких но. Я за ним соскучилась. Не мешай. Дай нам побеседовать.

Он уступил, и через минуту уже дышал, как астматик, а через две извивался угрем, расплескивая похожую на разогретый клей субстанцию. Кристина растерла ее по животу и груди, словно крем.

– Черт! – Бандура смахнул выступивший на лбу пот. – Как же ты это делаешь...

– У тебя не получится, – она элегантно стащила трусики. Воронье волосы на лобке были подстрижены аккуратной полоской, – А теперь покажи даме, зачем у французов во рту язык. – Откинувшись на подушки, Кристина заложила левую руку за голову, натянув правой кожу внизу живота, чтобы открыть ему дорогу. Андрей припал к ней, как умирающий от жажды, позабыв обо все на свете. Как и большинство брюнеток, она была терпкой на вкус. Эта терпкость лишила его остатков мозгов.

Когда Кристина кончила, дрожа всем телом, Андрей был уже готов.

– Поставь меня, как тебе нравится, – томно попросила она. Бандуре нравилось находиться позади партнерши. Она ничего не имела против. Эта поза открывает оперативный простор для рук, Андрей знал, чем занять ладони.

В следующие полтора часа Андрей взрывался четыре раза. Кристине тоже не довелось притворяться, имитируя опустошительные оргазмы.

«Да, все-таки славно», – размышляла Кристина, вытянувшись в изнеможении поверх скомканной, напоминающей модель лунной поверхности простыни. Она еле заметно шевелила пальчиками ног, дыша полной грудью и наслаждаясь сладкой истомой, разливающейся волнами по телу. Андрей с закрытыми глазами лежал под боком, прижавшись лицом к левой груди. Кристина чувствовала, как его ресницы шекочут кожу.

Дав партнеру немного отдышаться, (очень благоразумно, потому как далеко не все дела двигаются с места лихим кавалерийским налетом), Кристина осторожно подошла к тому, что ее беспокоило в первую очередь:

– Андрюшенька, солнышко, золото мое? Мне нужна твоя помощь.

Разве он мог отказать? К чести его, он даже ни на секунду не подумал: «Старик. А тебя ведь, между прочим, беспардонно используют...».

* * *

Атасов, Протасов и Армеец без колебаний согласились помочь. Атасов уныло кивнул, почти слово в слово продублировав Правилова:

– От женщин, типа, одни неприятности, Бандура. Но, раз это нужно лично тебе...

– Не то слово, Саня!

– А компенсация? – заикнулся, все же, Протасов. – На случай, если кого-то из нас угрожают? Пузырь – конкретный авторитет, е-мое...

– Ну... – растерялся Андрей, не задумывавшийся о финансовой подоплеке дела.

– Нет, я не врубаюсь, пацаны! Чего нам с этого цирка отломится?

Армеец, застенчиво улыбаясь, предложил Протасову продолжить шаровые посещения сауны.

– Будешь ходить па-париться. Как ты любишь. На дурняк.

Протасов покрутил у виска:

– Ты чего, неумный, да? Мне, блин, в натуре, о том бассейне и вспоминать муторно!

– Раз, типа, не предвидится содрать лаве, подсобим барышне бескорыстно. – Поставил точку Атасов. Протасов пожал плечами.

* * *

В ходе последовавшей вскоре «стрелки» выяснилось, что в молодежной группировке, наехавшей на сауну Бонасюков, никаким Пузырем не пахнет даже в помине. Произошло это следующим образом.

В назначенный день и час приятели подкатили к зданию Центрального Загса. Стояло пронзительно солнечное утро, на какие, обыкновенно, так щедр август. Место для встречи, в прилегающем к зданию садике, выбрал многоопытный Атасов. Деревья в сквере росли жидко, и он просматривался со всех сторон. Рядом kloкотал многолюдный проспект, вливающийся под мост постоянно забитого транспортом Воздухо-флотского путепровода. Это, по мнению Атасова, хоть как-то страховало от напрасной стрельбы. В уединенных уголках так и тянет попасть по бутылкам. А, бывает, и не только по ним. Приятели прибыли на стрелку в белом «Линкольне» Армейца. Солидной машины у них не осталось, впрочем, эта была ничего. По крайней мере, неизмеримо круче изготовленного во времена президента Картера⁵ «Форда Гранда», на котором приперлись конкуренты. Эдакая старушенция в качестве «колес», конечно, ни о чем еще не говорила, но, смотрелась несерьезно. Кроме того, ребята опоздали на двенадцать минут.

– Вы, пацаны, конкретно «стрелки» ломаете, – вместо приветствия заявил Протасов. – Не по понятиям, блин. – Рост, лицо и кулаки Валерия, как всегда, сделали свое дело – конкуренты побледнели, а, выражаясь по-протасовски: засунули языки в задницы. Прошло еще минуты две, прежде чем самый деловой из них, бывший, очевидно, бригадиром, вышел из ступора и заговорил каркающим, срывающимся от перекрученных нервов голосом:

– Имя уважаемого Пузыря вам, пацаны, знакомо? Не надо пояснять, что к чему?

Атасов презрительно прищурился, Андрей сообразил, что сейчас последует ответ. И тут Протасов, с большим скепсисом изучавший «пузырей», открыл рот и произнес такое, что обыкновенно, не забывается до старости. Если, конечно, посчастливится дожить.

– Нам-то имя Пузыря знакомо, биток ты слабоумный. А тебе, е-мое?

⁵ Джимми Картер, р.1924, – 39-й президент США (1977–1981), от Демократической партии

– Не понял?

– Все ты понял, козел. Ты сам-то Пузыря знаешь, в натуре?

– Ты чего, оборзел? – взвился бригадир, но в его голосе патетика перевешивала решимость. Атасов посоветовал ему заткнуться.

– Дай мобилу, Эдик, – велел Протасов Армейцу. И, прежде чем с противоборствующей стороны прозвучали хотя бы какие-то возражения, бодро отстучал чей-то номер.

– Алло, Гриша? Здорова... Валера беспокоит. Протасов... Ага, привет. Тут один клоун передо мной стоит. От твоего имени заезжает. – Последовала короткая, но впечатляющая пауза. Затем Протасов добавил: – А я хрен его знает, как его зовут... Сам побазаришь? Лады. Передаю трубу. – Протасов протянул трубку бригадиру из «Гранады»: – На, перетри с Гришей.

– С каким Гришей? – спросил бригадир, хотя побелевшие губы и дрожь в голосе выдали его с головой: до него уже дошло.

– С Гришей. С шефом твоим. С Пузырем, чтобы ты въехал, презерватив ты рваный.

Бригадир, как змею, взял трубку, и нерешительно поднес к уху:

– Алле?...

Ситуация не нуждалась в комментариях. Времена стояли такие, что сплошь и рядом зеленые молодежные бригады, не имея никого за спиной, по нахалке наезжали на небольшие коммерческие структуры, представляясь звонкими криминальными именами. Чем это порой заканчивалось, Андрей мог увидеть сейчас, но смотреть ему не хотелось.

– Что, хорек? – участливо поинтересовался Протасов, возвращая мобильный Эдику. – Вот ты и попал. Попал, конкретно.

– Стоять, типа, не дергаться! – зарычал Атасов, потому что конкуренты (по крайней мере, двое из них), сделали такое движение, словно намеревались кинуться в «Гранаду», – Стоять, дегенераты. Никто никуда не едет.

– Поздно убегать, пацаны. – Ощерился Протасов. – Только хуже будет. Сейчас Пузырь подкатит, потолкуем, что и как. Ты, – Протасов ткнул сигарообразным пальцем в бригадира «лже-пузырей», – лучше покумекай, как будешь расщелкиваться. Квартира там, гараж, и все эти вещи.

«Форд Гранада» – это раз», – прикинул в уме Бандура. – «Впрочем, «Гранадой» ребята не отделаются. Да и вообще, кому надо это битое, насквозь ржавое корыто, к тому же, с литовскими номерами?».

– Т-ты о-откуда про Пузыря узнал? – зашептал в ухо Валерке Армеец. Отлившая было кровь только-только нащупывала капилляры, чтобы вернуться к нему на щеки.

– Я с Пузырем на одном потоке учился. В ИнФизе. Кстати, блин, нормальный пацан. Я с ним недели две назад в городе случайно стукнулся. Ну, то, се. Он мне: «Ты где?». Я говорю: «Там-то». А он: «А я там-то». Про Сырец базара не было. Пузырь в центре кантуется. И потом, блин, у Пузыря борцы одни, а эти рахиты сильно на студентов смахивают. И потом, Эдик, нет у Пузыря таких голимых колымаг. Не держат они шарпаков, е-мое. Пузыри люди серьезные...

– Р-раньше не мог сказать? – зашипел Армеец. Кровь, наконец, нашла путь к его лицу. Более того, вылилась на него с перебором. На щеках и скулах Эдика вспыхнули пунцовые пятна.

– О чем сказать?

– Ты что, ду-дурак? О том, что ты Пу-пузыря знаешь?

Протасов засунул в рот зубочистку.

– Ну, забыл, – Валерий невинно улыбнулся. – И потом, Армеец, ты о Пузыре не спрашивал. Бандурий сказал – стрелка, вот я, блин, и тут. Какие, твою мать, предьявы? Скажи ему, Вовчик.

– По-любому.

– Слышь, Саня, я пожалуй поеду? – сказал Андрей Атасову. – Сами справитесь, хорошо? – Дождаться головорезов Пузыря и присутствовать на экзекуции, ожидавшей сопляков из «Гранады», не было ни малейшего желания.

– Ты куда, братан? – удивился Протасов. – Самое интересное пропустишь.

– Так я поеду?

– Езжай, типа.

* * *

Андрей заранее договорился с Кристиной, что результатов бандитской «стрелки» с повесткой дня: «Чья дойная корова сауна некоего барыги Бонасюка, господи?», она будет дожидаться в квартире Андрея на Отрадном. Летя домой на крыльях успеха, он планировал немедленно рассказать обо всем. В мигмом сложившейся у него в голове заманчиво сладкой картине Кристина поджидала своего рыцаря на кровати, изогнувшись в одной из тех поз, какие сводили молодого человека с ума. Принимать такие она была великая мастерица. Но, грезы редко отвечают действительности, чем, собственно, и ценны, когда сбываются. Бандуру ждало разочарование. Кристина о результатах разборки не догадывалась, и потому, ей было не до позирования. Ничего такого ей и в голову не приходило. Влетев в квартиру, Андрей застал любовницу в старом вязаном свитере до колен и не менее старых, изрядно потертых джинсах. Воздух в кухне был прокуренным, лицо Кристины бледным, напряженным и без малейших следов косметики. Она достаточно напугалась летом, чтобы до глубины души проникнуться одной весьма незамысловатой истиной: в том месте, где гуляют шальные деньги, льется рекой не одно шампанское. Как в старом советском анекдоте: Вовочка, передай своему папе, что у нас сажают не только деревья, и не все лагеря пионерские. Можно сказать и так, что судьба кумы Анны, падение такого колосса, каким представлялся Виктор Иванович Ледовой, поездка в Крым и прочие потрясения пошли Кристине на пользу. Черда драматических событий, участником которых довелось стать зеленоглазой супруге банщика, послужила, в определенном смысле, прививкой против «болезни нового русского», внешние симптомы которой – пальцы веером, и растягивание гласных при разговоре на манер перенесшего болезнь Дауна человека, одно время проявились у нее в полной красе. Так что, перед Андреем предстала насмерть перепуганная женщина, причем явно старше своих и без того не девичьих лет.

Все еще пребывая в эйфории от молниеносной и бескровной победы, Андрей ворвался в квартиру вихрем, и натолкнулся на Кристину, показавшуюся ему глубокой старухой. Андрей, по инерции, все же сжал любовницу в объятиях. Она нервно отстранилась.

– Андрей, мне больно! Ты мне ребра переломашь.

– А я думал, ты в постельке, – проговорил Бандура, настроенный на другую волну. Последнее прозвучало нелепо, не к месту и не впопад.

– Какая постелька?! – Кристина резко высвободилась. – Ты что, очумел?! – заметив, как потемнело его лицо, она добавила несколько мягче:

– Ну, как там?

Естественно, имелась в виду «стрелка», и, главным образом, ее последствия для четы Бонасюков.

И вот только тут Андрею пришла мысль, которой бы появиться раньше: *«Дружище, а ведь тебя бессовестно используют».*

«Да нет...»

«Глазки-то разуй».

Андрей внимательно поглядел на Кристину. Первоначальное намерение рассказать ей все, как на духу, что гроза, мол, прошла стороной, бояться больше нечего и некого, выпалить

все это на одном дыхании, а потом любить ее долго и неистово, испарилось мгновенно, оставив после себя накипь жестокого разочарования и желания поквитаться.

– Дела поганые, – помрачнев безо всякого притворства, сообщил Бандура, и взял паузу.

– Что? – нервно переспросила Кристина, и Андрей уловил первую каплю гадливого удовлетворения. – Что!?! Ну, не молчи же ты!

– Дело дрянь, – повторил Андрей, импровизируя на ходу, и чувствуя, как становится легче, и скоро он поймает кураж. – Пузырь очень крупный авторитет. Как Виктора Ивановича не стало, так Пузырь Сырец подмял. Взял под контроль. Это не наша территория.

Кристина сжала губы.

– Если Пузырь за кого берется, то... – Бандура присвистнул, – пиши пропало, детка. Он обыкновенно добивается своего. Это все говорят. А тут дело такое, что на Васька он глаз положил. По всем понятиям Василек – его клиент.

– Что же мне делать? – проговорила Кристина, бледнея.

– У них концы в шестом управлении МВД, – подлил масла в костер Андрей. – В службе безопасности схвачено. Так что – плохие дела.

– Есть какие-то мысли? – на Кристине лица не было.

Андрей прочистил нос:

– Пока что мы вас отмазали. Чуть до стрельбы не дошло, но потом они врубили задний. Атасов на них надавил. Ты же его знаешь...

– Саша, – с благодарностью пробормотала Кристина.

– Вот так, – добавил Андрей, почувствовав укол ревности.

– Значит, все в порядке? – спросила сквозь слезы Кристина, и ее глаза сверкнули вновь обретенной надеждой. – Все нормально?...

Андрей сразу решил придавить новорожденные надежды камнем:

– Я бы не сказал, детка... я бы не сказал. Отмазали – да, но... на время... всего на пару недель. Пока они с силами не соберутся.

Кристина вытаращила глаза.

– А как соберутся – не видать вам сауны, как собственных ушей.

У Кристины сделалось такое лицо, будто ей залепили пощечину.

– Что же делать?!

– Не знаю, – он развел руками. – Сейчас Пузыря в городе нет. Вот они слабинку и дали. А как появится? Не удивлюсь, что и мне с Атасовым достанется на орехи, а о Васе так даже думать страшно. – Андрей в упор поглядел на Кристину: – Кстати, Кристя, квартира ваша на Вась-Вася записана?

– На меня, – пискнула она.

Андрей взялся за голову:

– А сауна? Фирма, то есть?

– Договор о долгосрочной аренде Василек подписывал. Он директор. Моих подписей нигде нет.

– Аренда с правом выкупа? – прищурившись, спросил Бандура.

– Да, а что?

– А фирма на ком числится?

– Я же тебе говорю – Вася директор.

– А ты?

– Учредитель, – упавшим голосом призналась она.

Андрей физически ощутил волны страха, пульсарами излучаемые Кристиной, и ему стало даже весело. Инисколько ее не жаль. В конце концов, она-то ничем не рисковала. А он многим. Утром на «стрелке».

– Ну, – мрачно сказал Бандура, – кто настоящий владелец, Пузырь в два счета вычислит. Через исполком районного совета. Верить?

Кристина верила. Без единой оговорки.

– Нужно обратиться к Правилу, – внезапно дошло до Кристины. – Я сама Олегу Петровичу позвоню. Он мне не откажет...

Андрей немного растерялся, впрочем, ненадолго:

– Ты когда у Анны в последний раз была? – поинтересовался он, озаренный внезапной догадкой.

– Ты это о чем? – посерела Кристина.

– Об Анне, детка. О твоей куме Анне, племяннице Олега Петровича.

Кристина утратила дар речи, а потом ответила глухо:

– Что с того? Ее Поришайло в психушке держит. А твой Правил Артему Павловичу служит. Как ручная макака дрессировщику.

– Когда будешь просить помощи у Правилова, так ему и скажи, – холодно посоветовал Андрей.

– Я здесь причем?! – взвизгнула Кристина, заливаясь пунцом. – Я каким боком к их разборкам?

– Ни причем, – проговорил Бандура. – К разборкам совершенно ни причем. – Он понял, что у кумы Анны кума Кристина не была ни разу.

– Я от Правилова слышал, – доверительно продолжал Андрей, – он к Анне тайком раз в месяц ездит. Анна часто о тебе спрашивает. Так что, – Андрей собрался поставить точку, – звони Олегу, если слова подберешь. Давай, записывай номер.

– Я к ней поеду, – пообещала Кристина.

«Ага. А я вышло бате пресловутые „Лаки Страйк“.

– Записывай номер...

Кристина окончательно сникла.

– Что же делать, Андрюша?! – спросила она в отчаянии.

Андрей покачал головой.

– Ты мне не поможешь? – из глаз Кристины покатались первые слезы.

– Сделаю, что смогу, – пообещал Андрей, прижимая ее к груди. – Все, что смогу. А много ли я смогу один – время покажет...

– А ребята?

– Ты же знаешь, какие у нас расклады. Третий месяц без копейки сидим. Протасов мог бы кое-что утрясти, со спортсменами. У Атасова в УБОПе корефан. Я тебе, кажется, рассказывал. – Он не рассказывал ничего такого, но сейчас Кристина все принимала за чистую монету, глотая, как голодный окунь наживку. – Но, посуди сама. Время такое, что на дурняк и чирей на жопе не выскочит. Я бы свои заложил, – Андрей обезоруживающе улыбнулся, – так нечего. Даже «колес» ни у кого нет, кроме Атасова. Так и те не на ходу.

– Я деньги найду, – пообещала Кристина, – сколько потребуется...

И тут, на ее беду, Андрей вспомнил о деньгах Артема Павловича, беспардонно зажиленных Кристиной летом. Как спрятала в сумочку пятнадцать тысяч «убитых енотов», так Андрей их и видел. Он тогда так страдал от разлуки, что не задумывался об ее финансовой составляющей. Два дня назад, во время их первой встречи, о тех деньгах не было сказано ни слова. К чести Андрея, он наслаждался Кристиной, и об утраченных долларах не вспоминал. Затем она попросила помощи, а он заглотив крючок. И, только теперь они всплыли, словно пузырь со дна болота.

– Кусков пять надо будет, – сказал Бандура после минуты размышлений. – По самым скромным подсчетам. У Пузыря группировка серьезная. Дай Бог, чтобы хватило.

– Сколько?! – подавилась Кристина.

– Пять штук баксов, – отрубил Андрей. – Для начала.

«Ничего себе, начало...» – у Кристины заломило виски.

– Знаешь? – сказала она с внезапным отчуждением, резанувшим Андрея, как по живому, ведь он ее все-таки любил (глупо, странно, но любил), – знаешь, Андрей? Может, нам с Васей дешевле будет крышу поменять? Если такие сложности.

Это был ответный выпад, и, к слову сказать, Кристина попала в десятку. Лицо Андрея вытянулось.

– Нет, правда!.. – заспешила Кристина, оседлав удачную мысленную волну, как серфингист крутой штормовой гребень, – Если такие проблемы, если столько денег требуется, «для начала и по самым скромным подсчетам», – тут она оскорбительно дословно скопировала слова любовника, – если так, то пожалуй, мне проще под этого самого Пузыря пойти?! Что скажешь, зайчик?

Лицо «зайчика» потемнело:

– Ты, часом, не разорилась, Правилловскую крышу оплачивая?

Как известно, бандитское прикрытие сауны было организовано Кристиной через куму Анну, и чете Бонасюков не стоило ни копейки. Разве что париться заезжали рэкетеры на дурняк. Так и то, не особенно часто.

– Или вы с толстым каждый раз после нас воду меняли и хлоркой кафель драили?

– Не называй Василия Васильевича толстым! – не сдержалась Кристина.

– А каким? Худым?

– Некрасиво попрекать человека его физическими недостатками, – сбавила тон Кристина. Ссориться она не собиралась. А, если и хотела (ну совсем чуточку), то полагала, что еще рано. – Просто, если так дорого обходится «отмазка», как ты говоришь, может, мне проще договориться с Пузырем? Сколько он захочет? Двести-триста долларов в месяц?

Андрей опешил, не зная, что сказать.

– Ты пойми, Андрюша, у меня нет такой большой суммы. И, где взять, неизвестно. В сауне ведь не печатные станки стоят... Понимаешь?... Если бы мы коноплю выращивали, и дурь продавали, тогда другое дело. Но, у нас люди купаются.

«Поразительное нахальство, – подумал Андрей и, собираясь с мыслями, потер переносицу. – *Закрысила пятнадцать тонн, и ни в одном глазу. Ну и наглость*».

– Наверное, я начну платить Пузырю, – сказала Кристина, подымаясь.

Андрей пожал плечами:

– Своя рука владыка, детка.

– Ты мне можешь?

– В чем?

– Ну, договориться с Пузырем? – Кристина заломила руки. – Понимаешь? Василий Васильевич от одной подобной клички сразу в обморок свалится. Он на встречу не поедет. Я его знаю. У него гипертонический криз начнется. Или предынсультное состояние.

– Я сейчас заплачу.

– Но, не мне же ехать! – взмолилась Кристина.

– А почему бы и нет?

– Мне казалось, что я могу на тебя рассчитывать. – Кристина изобразила крайнюю степень разочарования.

– Да они меня четвертуют! – воскликнул Андрей, представив картину, в которой он шел на встречу с Пузырем после воображаемой перестрелки. «*Ты же меня на погибель толкаешь...*». Ему стало не по себе.

– Значит, мне самой идти?

– Ага, – Андрей угрюмо кивнул. – Иди. Тем более, что насколько я понял сегодня утром, встреча один хрен ничего не даст.

– Почему это? – напряглась Кристина.

Андрей почувствовал вдохновение, в голову пришли свежие мысли:

– Потому, детка, что у Пузыря на вашу сауну вполне определенные планы имеются. Пузырь из нее целый развлекательный комплекс задумывает. С массажем, кабаком, татуировками на гениталиях и прочими приколами для мажоров. Народ двигается, а Пузырю лаве капает. Он, говорят, уже и проект в Главархитектуре пробил. – Это была ложь чистой воды, удачная, как значительная часть экспромтов.

– У него ничего не выйдет, – с мужеством отчаяния возразила Кристина. – У нас долгосрочная аренда. С правом выкупа, между прочим. У меня в райсовете связи.

– Плакали твои связи. Ты, детка, Пузыря не знаешь. Вот у кого концы – мама не горюй...

Кристина зашаталась, как пьяная. Андрей помог ей добраться к креслу, сбегал на кухню, набрав водопроводной воды в граненый «дореволюционный» стакан. Пока Кристина очухивалась, Андрей быстро переоделся, застегнув на груди наплечную кобуру.

– Ладно детка, мне двигать пора, – сказал Андрей голосом комсомольца, уходящего на гражданскую войну. Прямо, как в песне поется: Он сказал, ему на Запад, ей, в другую сторону...

– Куда? – обалдело переспросила Кристина.

– К Атасову. Будем решать, как нам из капкана вывернуться... В который ты нас, кстати, и вравила... Дело-то нешуточное.

– А я?

– Ты посиди, отдохни. Можешь даже поспать, если хочешь. Надумаешь уходить – захлопни дверь. Воровать у меня все равно нечего.

Кристина даже не обиделась.

– А как же моя сауна?!

Андрей принял откровенно похоронный вид.

– Я найду деньги! – выпалила Кристина с решимостью женщины, отправляющейся на суд Соломона. – Изыщу. Если без них никак нельзя. – В последней фразе прозвучал такой неприкрытый укор, что Андрей поспешил откреститься.

– Ты так говоришь, будто я их собираюсь присвоить. – *«Еще как присвою»*, – Или Атасов, Протасов и Армеец, – *«этим, в самом деле, ни копейки не светит»*. – Деньги пойдут, кому следует. В органы там, туда-сюда... Легавым. Госам разным. Мне от тебя ничего не надо.

Глядя в честные голубые глаза Андрея, Кристина потихоньку успокоилась:

– Так-таки ничего?

– Ну... – Андрей замялся.

– Иди ко мне.

Как только он опустился на кровать, ее ладошки легли ему на плечи. Не долго думая, Андрей потянул с Кристины свитер. Через голову. В ее волосах затрещали крохотные электрические разряды.

– Чертова синтетика, – рассеянно обронила Кристина.

– Ты моя самая любимая электрическая женщина, – пробормотал Андрей, и повалил ее на подушки.

* * *

Когда Кристина, ближе к вечеру, покидала квартиру Андрея, он уклонился от провождения, напирая на сильную боль в животе:

– Болит, Криська. Мрак...

– Тебе аппендикс не вырезали? – ни тени тревоги.

– Нет, а что?

- Справа внизу болит? Над самым лобком?
- Сверху и посередине.
- А... – протянула Кристина. – Значит, желудок.
- Вот-вот. С утра маковой росинки во рту не было.
- Бедненький... – она перешагнула порог. – Придумаешь что-нибудь...

Прислушиваясь к ее каблучкам, застучавшим по лестничному пролету, Андрей подумал о пропасти, что пролегла между ними противоестественно быстро.

«Побежала толстого кормить».

Бесцельно послунявшись по квартире, и посмотрев парочку забойных американских боевиков (благо, отечественные телеканалы заморское авторское право в те времена кидали через колено), Андрей отправился спать. Лежа с закрытыми глазами, он принялся думать о роли личности в истории. В случае с Андреем роль личности Вась-Вася, к примеру, представлялась негативной, деструктивной, и вообще лишней в спектакле. *«Устранить бы его на хрен»*, – подумал Бандура, и на этой ноте заснул.

Глава 3

ЮРИК ПЛАНШЕТОВ или БУДНИ ВЫМАГАТЕЛЕЙ

По прошествии нескольких дней, так и не дождавшись звонка любовницы, Андрей, скрепя сердце, взялся за вызревший в голове план. От замысла основательно тянуло гнильцой. Значительная часть Андрея категорически противилась этому плану, но, другая, не менее влиятельная, настаивала, причем настаивала властно. Как случается сплошь и рядом, победила Темная Сторона.

Замысел был таковым, что подключать к его исполнению старых друзей Андрею показалось не с руки. А, поскольку, воплощать задуманное в одиночку не представлялось возможным, Андрей обратился к Юрику Планшетову, молодому пареньку, недавно поступившему на службу к Правилу. В глазах Планшетова Андрей был ветераном, и смотрел он на него соответственно. В точности так, как сам Андрей совсем недавно глядел на Атасова, Протасова и Армейца.

Планшетов, которого головорезы Правилова окрестили Планочником, Планшетом и даже Планктоном, без колебаний согласился помочь. Андрей подробно растолковал, что надлежит сделать.

– Когда? – Планшетов и бровью не повел.

– Как только, так сразу... – Андрей решил выждать еще несколько суток, вдруг Кристина одумается да объявится. Но, только даром потратил время, которого никогда не бывает достаточно.

– Ну, все. Сама напросилась. – вздохнул Бандура, когда срок истек. – Приступаем к первому этапу. – С этими словами он спустил Планшетова с поводка. – Все, Планшет, пора!

Юрик блестяще справился с поручением, Кристина объявилась на следующий же день.

– Андрюша! – захлебывалась из трубки Кристина. – Андрюшенька!?

Андрей, спросонья, бубнил что-то невнятное.

– Ты что, спишь?! – взбеленилась она.

Негодование в голосе любовницы вывело Бандуру из себя:

– Ты что, моя мама, чтоб указывать мне, когда вставать?!

Кристина предпочла не ссориться. Не то у нее было положение, чтобы разбрасываться боевыми единицами.

– Андрюша! В сауне неприятности! Ночью какая-то сволочь половину окон выбила.

– Да ты что?!

– Ты что, смеешься?!

– С чего ты взяла?

– Я по голосу чувствую!

А я думал, у тебя труба с экраном. Как в «Чужих» у Сигурни Вивер.⁶

– Андрей! Мне не смешно! – в истерике завопила Кристина.

– Слушай, детка, ты так орешь, будто твоего Васька зарезали. Или квартиру сожгли. Тоже мне, неприятности. Окна вынесли...

– Сегодня стекла, а завтра и подожгут.

– Могут, – согласился Андрей. – С Пузырем шутки плохи.

– Спасибо на добром слове, Андрей.

– А чего ты хотела?

⁶ Фильм режиссера Джеймса Кэмерона, (1986), с Сигурни Вивер в роли Эллен Рипли и Майклом Бином в роли капрала Хикса

– Чтобы нас оставили в покое! – выпалила Кристина с вызовом.
– Ты волшебница? – поинтересовался Андрей. – Фея, что ли?
– Нет. – Кристина осеклась. – Ты это о чем?
– Ни о чем. Хочешь, хотя в трубочку. Мне-то какая разница?
– Не думала, что ты такой черствый!
– Да при чем здесь я?! – удивился Андрей, подумав, что Планшетов, видать, постарался на совесть. – Идет разборка. На тебя наехали. Считаю свои битые стекла обыкновенным актом устрашения. Довольно невинным, как по мне. Бывает и похуже.

– Ты умеешь успокоить.

– Я не хотел тебе этого говорить, – начал Андрей, проснувшись уже достаточно, чтобы вновь импровизировать на ходу, – но, насколько я понял, у Пузыря твой домашний адрес в кармане.

Кристина на другом конце провода, то есть на Оболони, утратила дар речи.

– А значит, и телефон имеется. Как ты понимаешь, не для того, чтобы вам с Вась-Васем поздравительные телеграммы слать.

Молчание в трубке.

– Кристина?

Молчание.

– Кри-сти-на?!!

– Почему ты меня не предупредил?!

Андрей поморщился, отодвинув трубку подальше от уха.

– Не хотел пугать.

– Хорошенькое дельце! Не хотел пугать?! Что же делать?!

«Деньги собирать, и чем быстрее, тем лучше». – Пореже выходить из дому.

– А как я деньги соберу?!

– Ну, – Андрей запнулся, – возможно, наблюдение за квартирой не круглосуточное. И потом, ты можешь переехать ко мне. – Повисла долгая пауза, и Андрей понял, что она мучительно размышляет.

– А Вася?

Бандура прочистил горло.

– Да кому он нужен? Я боюсь за тебя...

– Андрюша? – Кристина тяжело задышала.

– Да, родная...

– Они могут решиться на убийство?

– Всякое может случиться, – ответил Бандура уклончиво. – У тебя парадное с охраной?

Ты Оболонь с Липками⁷ не перепутал?

– А хотя бы кодовый замок есть?

– Оборванные почтовые ящики и разбитые плафоны в коридорах...

– Плохие дела, Кристя.

– Я деньги соберу! – пообещала Кристина. Как показалось Андрею, на этот раз искренне. – Ты попроси ребят, чтобы начинали... Начинали хоть что-то делать...

– Уже делают, – поклялся Андрей, подумав: *«Ох, не перегнуть бы палку. Как бы она со страху в милицию не побежала».*

– Андрюша? Может, мне в милицию обратиться?...

– Ну, если ты себе еще хуже сделать хочешь, то валяй, обращайся.

– Деньги будут через два дня, – сказала она, и Андрей понял, что дело в шляпе.

– Двери никому не открывай. А, чуть что – немедленно звони мне.

⁷ Элитный район в историческом центре города

– Спасибо, милый, – слабым голосом отвечала она, – жаль, что ты не рядом.

«Наконец-то, – подумал Андрей, – лед тронулся, господаприсяжные заседатели». – Мне тоже жалко, детка... Но, что поделаешь... Вась-Вась не обрадуется, если я поселюсь в твоей кухне, на раскладушке...

– А ты поселишься?

– Нет, детка, – ответил Андрей с горечью. – Тут ситуация простая, как в памяти компьютера. Либо «единица», либо «ноль». И ни черта посередине. – Информацию о двоичном компьютерном коде Андрей почерпнул из недавнего общения с Армейцем, и был так поражен, что запомнил, а теперь довольно ловко применил. – Было бы здорово, если б ты переехала ко мне. Но, раз нет, то нет. Не хочешь его оставлять, не оставляй.

Кристина шмыгнула носом, и телефонная связь оборвалась.

* * *

В следующие несколько дней Планшетов рвался повторить экзекуцию, бить стекла ему пришлось по душе, но Андрей строго-настроено запретил.

– Чувак?! Может, еще разок? Кашу маслом, и все такое?

– Нет, – сказал Андрей. – Пока отбой. Чтоб тебя там и близко не было. И еще одно. Хотя бы кому хоть пол слова ляпнешь, тут тебе и каюк. Схороню в парке. Мамой твоей клянусь.

– Будь спокоен, чувак. Могила.

Кристина, как и обещала, привезла деньги, пятьдесят банкнот по сто долларов каждая, перетянутых розовой резинкой для волос.

Андрей был очень доволен, но виду, естественно, не подавал. Попробовал было расстегнуть на любовнице блузку, но она решительно отстранилась.

– Не сейчас, ладно? – настроение у нее было кошмарным, и Кристина вовсе не собиралась делать из этого тайну. Андрей решил проявить толерантность, частенько поминаемую президентом. И действительно. Обобранный до нитки оппонент заслуживает хотя бы этой малости. Вскоре Кристина засобиралась, и Бандура отправился ее провожать.

* * *

Как только искусственные страсти вокруг баньки улеглись, Василий Васильевич заступил на бессменную вахту, и банно-развлекательный комплекс снова заработал в полную силу.

Андрей поправил материальное положение. Угрызения совести его не терзали, и кошмары не докучали по ночам. – *«В конце концов, я собственные деньги вернул».*

Как бы там ни было, встречи любовников, после продолжительного перерыва возобновились. Один день в неделю, а когда и два, они проводили вместе. И это были не худшие дни. Они почти не ссорились, и даже не повышали друг на друга голос, как не раз случалось во время летней экспедиции в Крым. Возможно оттого, что не жили под одной крышей.

– Знаешь, – как-то сказал Андрей, провожая ее до такси, – жалко, что время нельзя растянуть. Хотя, у меня такое ощущение, что с ним что-то творится мне на зло. Когда ты рядом, оно летит, а без тебя тянется, как авиационная резина. А мне бы хотелось наоборот.

Как романтическая песня барда, их связь не могла продолжаться долго, обещая или обрываясь, будто гитарная струна, или перерасти в нечто большее. Впрочем, поначалу Бандура об этом не задумывался.

Да и сама Кристина не могла толком разобраться в своем сердце, где на одной чаше весов оказался по-своему любимый супруг, а в то время как на другой была полная неизвестность. Бывало, глядя, бессонными ночами в потолок, Кристина подсчитывала оставшееся время. *«Тик-тик, ходики, набегают годики... Вот уже и тридцать пять, подруга. Лет пять-*

семь тебея. И все». Мысли были навязчивыми, как осы, они докучали, не давая заснуть. Стоило только подступить спасительной дреме, как мозг услужливо подбрасывал что-нибудь новенькое из того набора, перед которым и посветлу опустишь руки. Словно свежий хворост в костер. *«Гори-гори ясно, чтобы не погасло»*. Кристина ворочалась, как будто лежала на иголках, и проклинала безжалостную бессонницу. *«Господи! Наказание какое-то. Мазохизм в виде духовной мастурбации»*. Вась-Вась безмятежно похрапывал под боком, и она злилась на него в душе, а рукой подтыкала одеяло, чтобы его, не дай-то Бог, не просквозило. *«Как маленький, честное слово. Только заснул, сразу душа на распахку»*. Сердце Кристины разрывалось на части, а мозг не находил выхода.

* * *

В конце ноября на сауну наехала исключительно агрессивная рэкетирская группировка. Бандура не имел к этому никакого отношения. Если не считать, что именно он накликал беду. Как тот пастушок из сказки про волков.

Андрей кликнул Атасова и Армейца. Протасов с Вольной куда-то, очень некстати, запропастились. Бандитская встреча закончилась потасовкой. Атасов пустил в ход оружие. Конкуренты не остались в долгу, и Андрея серьезно зацепило. Выпущенная из переделанного газовика пуля навывлет прошила предплечье. *«Я в этом бою навывлет прошит... – горланил Бандура по дороге домой. Атасов плеснул ему водки. – ...меня механик заштопал...»*⁸

– Держись, парень! – заклинал Атасов. – И силы, типа, побереги.

Эдик заикнулся на счет больницы, которая отпадала по понятным причинам.

– Какая больница?! – вызверился Атасов. – Тащи сюда своего костоправа! Чтобы мухой, типа, прилетел!

«Я наверно умираю», – думал Андрей без тоски и паники. Его разум был спокоен, словно утреннее озеро в безветренную погоду. В ушах гуляло эхо, а слова приятелей долетали изда-лека, как будто он сидел в бочке, а они болтали снаружи.

– Ничего, ничего, солдат. Потерпи. В каждом из нас пять, типа, гребаных литров крови. От потери какого-то жалкого литра еще никто не очучурился. Вот я, как был курсантом, так раз в три месяца кровь сдавал. Как штык. И что, типа? А ни черта... – Разглагольствуя без умолку, чтобы не утратить связи с приятелем, Атасов безуспешно боролся с кровотечением. Вопреки его усилиям Бандура терял силы. Кровотечение оказалось сильнее Атасова.

– А один мой корешок, Бандура, тоже курсант, даже стишок о нашем донорстве сложил. Эдик! Живо жгут сюда! Вот, типа, послушай:

В район боев, туда где рвутся мины,
И патриоты падают на грунт,
Везут кровь нашу негры на машине,
За тонной тонну и за фунтом фунт...⁹

– Кристина?! – теряя сознание, позвал Андрей. Кристя! Кристичка.

– Кристину зовет. – Атасов обернулся к копающемуся в аптечке Армейцу. И закусил губу.

Кристина прилетела мгновенно. Словно в ее распоряжении оказался вертолет. Она обнимала его за голову, ее слезы капали ему на лицо, и Андрей, между жизнью и смертью, блаженствовал.

⁸ «Песня самолета-истребителя» («Смерть истребителя») В.С.Высоцкого

⁹ Стихи Александра Вадимовича Новикова

«Зря на деньги ее развел, – мелькнуло у него перед тем, как он провалился в небытие. – Вот умру, а обман всплывет на поверхность, как дерьмо...». – Терзаемый запоздалым раскаянием, Андрей в который раз вырубился.

К счастью, тайна осталась в не прикосновенности. Кристину так напугало состояние раненого, что о деньгах она не вспомнила, думая о другом.

– Саша! Ты вызвал скорую?

Атасов отрицательно покачал головой.

– Скорая, типа, не годится, детка.

– Но он же!..

– Никто, типа, не умрет. – Атасов накрыл ее ладонку своей – Не сегодня, обещаю. Эдик? Твой долбаный эскулап в пути?

– Б-будет с минуты на минуту.

Обещанный Эдиком частный врач прибыл в следующие четверть часа, и немедленно приступил к осмотру.

– Опасности для жизни нет. – Заявил врач в конце концов. – Однако, ваш паренек в рубашке родился. Пройди пуля тремя сантиметрами ниже... – договаривать не было необходимости. – Тщательно продезинфицировав рану, доктор наложил тугую повязку, сделал блокаду и вколол обезболивающее. – Дальше, будем смотреть по самочувствию. Главное – обеспечить пострадавшему покой.

– Выходит, до свадьбы заживет? – Атасов многозначительно посмотрел на Кристину.

– Ну, если не завтра под венец. – Доктор позволил себе улыбку. – Когда за ним закрылась дверь, Атасов щелкнул пальцами.

– Вот что, Эдик... Дуй в гастроном, типа. Прихватишь бутылку кагора и пару флаконов водки.

– За-зачем?

– Кагор, типа, кроветворное. Нам, как донорам, выдавали. Точнее, обещали, что выдадут.

– Выдали?

– Черта с два.

– А водка зачем?

– Нам, типа, с тобой.

Кристина улеглась рядышком с Андреем. Молодой человек задремал, согретый теплом женского тела. Она перебирала его сбившиеся сосульками волосы, думая о своем.

– Мама, – пролепетал Андрей, прижимаясь к ней. Его, очевидно, снова знобило. – Мамочка...

В горле Кристины родился всхлип.

Тем временем из кухни, пока приглушенно, но лиха беда начало, доносились голоса Армейца и Атасова. Видимо водка, доставленная первым по распоряжению второго, решительно переливалась из одних емкостей в другие.

Бережно укутав Андрея в одеяла, Кристина прихрамывая (ноги безжалостно затекли), вышла на эти голоса.

– Ребята, давайте я закусить приготовлю... – она щурилась на ярком свете.

– Спасибо. – Атасов сразу засобирался. – Мы с Армейцем лучше пойдем. И так, типа, засиделись. Подозреваю, что проснувшись, парень обрадуется тебе куда больше, чем нашим испитым рожам. – Что скажешь?

Под его пристальным взглядом Кристина поняла, что в ее жизни наступает перелом. Что вопрос состоит вовсе не в том, чтобы провести с раненым ночь. Дело не в распределении смен между сиделками, а настал момент выбора, с которым она так долго тянула. И что пора, наконец, определяться.

– Да, конечно. Я останусь. – Твердо сказала она.

Атасов удовлетворенно кивнул.

– Давно бы так. Подъем, Эдик. Труба, типа, зовет. – Он подхватил захмелевшего Армейца под локоть, и, вскоре приятели нетвердой походкой брели через двор к трамваю. Армеец попытался запеть. Атасов посоветовал ему заткнуться.

Когда их шаги затихли, Кристина взялась за телефон. Оставалось объясниться с супругом, и она, впервые в жизни, робела от этой перспективы. Кристина тысячу раз лгала Вась-Васю, обманывая его самым бессовестным образом, по поводу и без того, когда и как заблагорассудится.

«Но не сегодня. Сегодня ты обойдешься без вранья».

«Да. Сегодня я обойдусь без вранья».

– Алле?... – так жалобно спросил Вася, будто каким-то образом уже все знал.

– Васенька... – выдавила Кристина после мучительной паузы. Ее решимость как ветром сдуло.

– Кристя?...

Кристина подбирала слова, но, то ли источник вдохновения иссяк, то ли искала она не там, где надо, а только ничего путного не вышло. А еще говорят, что языком трепаться, это вам не мешки ворочать.

– Васенька... Я сегодня переночую... – она замешкалась, – у подруги... видишь ли... она приболела... так что... – *«Да что же это я, совсем врать разучилась»*, – думала Кристина краснея.

Путанные объяснения жены не обманули Василия Васильевича. Он сразу обо всем догадался. А догадавшись, вопреки долгой супружеской практике, не стал молчать, а сказал правду, сделав за Кристину самую тяжелую работу.

– Ты остаешься у него?

– Да, – выдохнула она, осознав, что не задай Вася этого вопроса в лоб, ей бы, наверное, не хватило мужества. – Андрея тяжело ранили... и... и я не могу... не могу его бросить. В таком состоянии.

Значит, ты от меня уходишь? – голос Вась-Вася казался таким упавшим, словно шел со дна Марианского желоба.¹⁰

Вопрос был поставлен ребром, подразумевая прямой ответ. Но, сказать «Да» просто не поворачивался язык. Такого их отношения еще не знали, и оба чувствовали себя пионерами. Обмана бывало сколько угодно, но чтобы навсегда расстаться...

– Поистине, уходишь?...

Женское сердце дрогнуло, и она проямлила жалким тоном:

– В холодильнике синяя кастрюлька стоит. С рассольником. Ты разогрей на ужин. А завтра я тебе позвоню.

– Спасибо тебе, – пролепетал Василий Васильевич, и положил трубку на рычаг.

* * *

Кристина прожила у Андрея неделю, названивая мужу едва ли не каждый Божий день. Сначала украдкой, а потом уже не таясь. Услышав содержание разговоров, Андрей решил, что на ссору с последующим битьем горшков создавшаяся ситуация не тянет. Разговоры сплошь были инструктажем оставшегося в бобылях Вась-Вася.

– Сухие супы в шкафу, колбаса в отделении под морозилкой. Свежее белье в тумбе у кровати. Только носки менять не забывай.

¹⁰ Самое глубокое место Мирового океана, 11033м

Вскоре Андрей разбирался в хитросплетениях квартиры Бонасюков на уровне Кристины и гораздо лучше Вась-Вася, в житейских вопросах оказавшегося непроходимо тупым. Поначалу Бандуре было даже забавно. Андрей, по молодости лет, не оценил могущества многолетней привычки, преодолеть которую бывает не легче, чем закон всемирного тяготения.

– Это смешно, Кристина. Ей Богу, честное слово!

– Ты не сердись, Андрюшенька?

– Я представляю себя диверсантом, которого натаскивают по топографическим картам противника.

– Он такой беспомощный. – Кристина заискивающе улыбнулась. – Как малый ребенок.

– Но, если серьезно, – посуровел Андрей, – это похоже на идиотизм. Он что – первоклассник? Полвека же прожито.

– Сорок пять лет, если точно, – поправила она.

– Ну, так тем более. До маразма-то еще далеко!

– Ты не представляешь, какой он неприспособленный, – повторила Кристина, очень довольная тем обстоятельством, что, похоже, может обсудить замучившую ее проблему с любовником. Она устала держать в себе раздиравшие ее противоречия. – Только не злись, пожалуйста.

– Да я не злюсь. Интересно, как долго ты собираешься с ним нянчиться?

– Он без меня пропадет, Андрюша.

– Я сейчас разрыдаюсь.

– Пожалуйста, не строй из себя злодея. Я же знаю, какое у тебя доброе и благородное сердце.

Андрей польщено ухмыльнулся – бывает приятно послушать о своем рыцарском сердце, даже если это не совсем так.

– Ох, не дави из меня слезу.

– Пропадет... – Кристина заглянула в серые глаза Андрея своими чудесными, изумрудными.

«Вот было бы хорошо», – подумал Андрей, и открыл рот, пораженный неожиданной мыслью.

– Андрюша, о чем ты думаешь?

«О том, что неплохо бы толстому дуралию умереть. И Кристина моя, и машина моя. Моя квартира, моя банька. Фирма, опять же, моя. Столько всего моего, что глаза разбегаются, а на пути к процветанию – один старый мудака, который ну на хрен никому не нужен».

«Математику не обманешь, старина. На то она и точная наука».

– О чем ты думаешь, Андрюша? – с тревогой переспросила Кристина, глядя в сделавшееся жестоким лицо.

«Пожил сам – дай пожить другому». – Мысль была такая изящная в своей простоте, и такая очевидная, что Андрей просто не понимал, как это она раньше не постучалась в голову.

– Ни о чем, Кристя. Так, о ерунде разной.

– Понимаешь... – тон Кристины стал доверительным, – мне давно следовало тебе рассказать...

– Я тебя внимательно слушаю. – Андрей присел рядом.

– Может, это и не имеет значения. С другой стороны, – Кристина взяла Андрея за руку, – это так здорово, что ты согласился меня выслушать... Потому что без умения прислушаться друг к другу, нам никогда не достичь взаимопонимания. А без взаимопонимания...

Андрею оставалось только согласиться.

– Вася... Когда я была студенткой, – Кристина смущенно улыбнулась. – Я ведь была его студенткой, ты знаешь?

Андрей молча кивнул.

– Я из очень бедной семьи...

– Я помню, крошка.

Кристина ответила благодарным пожатием руки.

– В общежитии ткацкой фабрики мы с Анькой хлебнули лиха. Я рискнула, и поступила в институт. Не на ахти какой факультет, но, любой самый задрипаный институт много лучше фабричного цеха... На стационаре стипендия сорок рублей. Не зажиреешь, понятно. Большинство ребят получали посылки и бегали на почту за денежными переводами. Но, только не я. Так что, девки на танцы, а я за свою «Подольскую», и строчить, строчить, строчить... Как Анка-пулеметчица. Тому брюки подтачать, той юбку скроить. И тут, Вася. Он, как только меня увидел, сразу глаз положил. Поверь, было куда положить.

– Верю, – буркнул Бандура.

– Я это сразу почувствовала. И решила, почему бы и нет. Зарплата, квартира... Положение. Солидный муж...

– Брак по расчету...

– Не издевайся, пожалуйста. Возвращаться на ткацкую у меня желания не возникало. Лучше уж вены вскрыть...

– Понимаю.

– Нет, Андрюша. Не понимаешь. Ты на «ткачке» не горбатился. Он предложил мне руку и сердце, и я сказала «да». Без колебаний. Спасение утопающих, дело рук самих утопающих. Так, кажется, говорят. Со временем я поняла, что могу вращать Бонасюком, куда левая нога пожелает. Если бы у него была семья, он бы ради меня ее бросил. К счастью, семьи не было.

Прямо «Сватовство майора», – вставил Бандура, вспомнив знаменитое полотно Федотова.¹¹

– Знаешь, Вася был занудным преподавателем. Постоянные придирки, извечное ворчание.словно его предмет самый важный, и без него миру конец. Как будто кому-то его дурацкие формулы в жизни понадобятся. Ребята из общежития собирались устроить ему «темную»...

– Устроили?

– Только трепались. – Кристина усмехнулась. – Со студентами всегда так. Дальше болтовни редко заходят.

– Слишком студенты грамотные, для расправ.

– В первую брачную ночь он так разволновался, что у него ничего не вышло. Я старалась помочь, у меня к тому времени был опыт, да все бестолку. Остаток ночи он просидел в ванной. В общем, первый блин комом. А потом... Потом я увидела, что за внешней оболочкой педанта, за ширмой эдакого гения местного значения, скрывается совершенно не приспособленный к жизни великовозрастный ребенок.

– Ничего себе, ребенок!

– Но это именно так. И использованные носки с трусами Вася исправно складывал в пластмассовый короб для белья. Каждую субботу, пока он не женился на мне, приезжала его мама, и все это барахло стирала. Родители Василька жили в пригороде. Разобравшись со стиркой, мать готовила еду на неделю вперед. Раскладывала по баночкам, и, в холодильник. Васе оставалось только разогреть.

– Идиотизм. – Бандура покрутил у виска.

– Я не спорю. Но именно так все обстояло в действительности. Я искала каменную стену, чтобы укрыться за ней от невзгод, а приобрела нытика, зануду и тютю. Правда, с приличной зарплатой, квартирой, и прочими материальными ценностями, какие на дороге не валяются. И, самое важное: Вася любил меня. Любил так, что это перевешивало большинство минусов.

¹¹ «Сватовство майора», – картина русского живописца и графика Павла Андреевича Федотова (1815–1852)

Впрочем, не знаю, кого он во мне ценит в первую очередь, жену или маму... Но, как бы там ни было, он врос в мою жизнь, и я не знаю, что с этим делать.

– Я понимаю, – пробормотал Андрей.

Кристина обняла его за шею:

– Иди ко мне, милый.

Вскоре Вась-Вась выпал у обоих из головы.

* * *

В начале декабря Кристина, помаявшись в нерешительности, обратилась к Андрею с просьбой:

– Андрюша?... Мне нужно съездить домой. То есть, я хочу сказать, на Оболонь.

Андрей почесал затылок:

– Ты ведь могла мне не говорить...

– Могла. Но я не хочу обманывать...

– Когда ты вернешься? – спросил Андрей.

– Скорее завтра, чем сегодня. Приберусь в квартире. Перестираю все, что он накопил. Я тебя уверяю – там горы грязных тряпок валяются.

«Прими мои соболезнования».

– Знаешь, милый? Это так замечательно, что мы ничего друг от друга не таим. Это необыкновенно важно.

– Угу.

– Наготовлю на месяц вперед...

– Можешь даже трахнутья...

Кристина дернулась, как от пощечины:

– Зачем ты так?!

– Извини. Вырвалось. В конце концов, он ведь твой муж, а я так, с боку-припеку. Погулять вышел.

Кристина поднялась на ноги.

– Я предлагал тебе сделать выбор, – продолжил Андрей, чувствуя, что если перегнет палку, она может вообще не вернуться. – А воз и ныне там. Раз мы живем в условиях «треугольника», по твоей вине, если ты его обслуживаешь, как дебила, а я помалкиваю в тряпочку, то почему бы тебе с ним не спать. Знаешь, любовнику как-то не с руки ревновать к законному супругу. В конце концов, что я могу поделать? Связать тебя по рукам и ногам? Я тебя связывать не намерен. Так что, делай как знаешь.

* * *

Оговоренный день растянулся в три. Кристина вернулась на четвертый.

– Бедненький, – вздохнула она, заглядывая в пустой, словно заброшенный склеп, холодильник. – Чем же ты питаешься?

– Твоими обещаниями. – Андрей надвинулся со спины. Его руки легли на талию, в то время как рот целовал затылок.

– погоди. Дай я что-нибудь приготовлю...

– Успеется. – Бандура расправился с молнией на юбке, и та полетела на пол. Кристина сама сбросила трусики, и он взял ее прямо на кухне.

– Холодильник перевернешь!

– Он все равно пустой.

Потом они переместились в комнату.

* * *

– Вот теперь я хочу есть, – сказал Андрей. За окнами наступили сумерки.
– Я еще никогда не делала этого в кухне... – призналась Кристина.
– Большое упущение, детка. Я открываю школу сексуального дизайнера, а ты моя единственная дипломница...

Кристина хихикнула:

– Звучит заманчиво.

– А то. Секс на кухне, в ванной, верхом на стиралке, наконец.

– Подозреваю, будет гораздо интереснее курса «Деталей точных механизмов», который, помнится, читал Василий Васильевич.

– Точные механизмы говно! – заверил Бандура. – Вообще другой подход. Минимум теории, и валом практики. Коллоквиумы и коллоквиумы. Первый сегодня вечером. Но, после ужина. – Андрей плотоядно задвигал челюстями. – Протоплазма! Хочу протоплазму!

– Это откуда?

Из Шекли.¹²

Накинув халат, Кристина отправилась готовить еду.

– Я на прошлой неделе купила пакет муки, – обронила она на ходу.

– Где поставила, там и ищи, – отозвался с дивана Бандура. – В твоё отсутствие, детка, я еще не дошел до той степени голода, чтобы жрать муку всухомятку. В следующий раз, возможно, дойду.

Кристина предпочла не расслышать. Она взялась за стиральную и через каких-то двадцать минут Андрей уплетал восхитительные блины, смазанные сливочным маслом и сваренными всмятку яйцами.

* * *

Предновогодняя неделя целиком осталась за Андреем. Они с Кристиной ездили за подарками. Город охватила предпраздничная лихорадка. Таков уж наш неписанный закон. Пускай после Нового года придется потуже затянуть ремешки, а кое-кому вообще положить зубы на полку, это дело двадцатое. Новый год – праздник расточительности, гостеприимства и чревоугодия. Водке положено литься рекой, а столам ломиться от еды. А потом: хоть бы и трава не росла.

– Наши у Армейца собираются, – сказал Бандура. – Хочешь, пойдем, а нет, мне и дома с тобой не скучно.

Фраза была произнесена с великолепной беспечностью, свойственной характеру Андрея. Но, его галиону было суждено натолкнуться на риф.

– Андрюшенька, – начала Кристина. – Не знаю, как тебе и сказать... Только пойми меня правильно. И не обижайся, ради Бога. У тебя есть я... и есть друзья. Есть ребята...

– Есть. А что в этом плохого?...

– Это очень даже хорошо, потому что у Василия Васильевича никого нет. И я подумала... Понимаешь... на Новый год... И, в особенности, в канун Нового года... Когда у человека депрессия...

«Вот бы и удавился на дверном косяке, если так».

– ... и он один одинешенек, а вокруг все пляшут и веселятся...

¹² Роберт Шекли (1928–2005) – американский писатель, автор множества фантастических рассказов и романов

«Вот бы сел в ванную да вскрыл вены кухонным тесаком...».

«Взялся бы левой за батарею, а правую засунул в розетку».

– Ты сильный, а он слаб...

Испытанный прием, как правило, действенный.

«И шулерский».

– Я сильный, и поэтому об меня можно ноги вытирать?

По правде говоря, Андрею было, кем заполнить вакуум, образованный Кристиной в Новогоднюю Ночь. Протасов еще с начала декабря обещался превратить квартиру Эдика в бардельеро. «Я обрушу этот город в мрак и разврат», – грозился некогда герой Василия Шукшина.¹³ Протасов утверждал нечто подобное.

– Так что никаких левых баб. Ты понял намек, Бандура?

Это подтолкнуло Андрея к решению отметить Новый год дома, на Лепсе. Вдвоем. Поскольку теперь планы летели в тартарары, Андрею ничего не оставалось, как следовать в проложенном Протасовым фарватере. Как сухогрузу за ледоколом по Северному морскому пути.

«Ну что же, – махнул Андрей, – раз пошла такая пьянка, предадимся разврату. Девчонки так девчонки. Сама виновата».

Впрочем, Андрей полагал, что Кристине эта информация ни к чему.

– Хорошо. – Бандура понурил голову. – Ступай, коли так... Выбор за тобой. Тогда давай сразу и разбежимся. – Андрей шагнул на мостовую, собираясь уходить. – Одно тебе скажу. Я ведь не многого хотел. Чтобы ты была рядом. И все. Если мы любим друг друга, – он так пытливо заглянул в ее малахитовые глаза, будто хотел проникнуть в душу, – то почему бы нам не быть вместе? Вот ты говоришь, будто я сильный, а Вася слабый и глупый. Я не спорю, хотя, как по мне, он мерзавец, который катается на тебе верхом. Он одинок, ты говоришь? А я? Я?! Обо мне ты подумала?!

– Андрей! – воскликнула Кристина, сообразив, что он сейчас уйдет.

– Может, тебя смущает то, что я сейчас на мели? Женщины любят утверждать, что это они мечтают о семейном гнездышке, в то время, как мужикам только дай потрахаться. А если как раз наоборот?!

Она застыла ошеломленная, с полными слез глазами.

– Если я хочу слишком многого, так скажи об этом открыто! Если я для тебя беден, тоже скажи, не юли. Надоели мне твои кошки-мышки.

– Андрюша...

– Ничего у нас не получится, пока между нами Бонасюк. Подумай об этом, на досуге.

Он привлек ее к себе и поцеловал в губы. – С Новым Годом. И пока.

Она не пыталась его удержать, когда он поспешил прочь, и скоро растворился в толпе.

¹³ Шукшин Василий Макарович (1929–1974), русский советский писатель, кинорежиссер и актер

Глава 4

КАК НОВЫЙ ГОД ВСТРЕТИШЬ...

или КАВТОРАНГ РАСТОПИРО

Новый год удался на славу, и каждый получил, что хотел. Протасов, как и грозился, привез девчонок. Запахи духов и шампанское, выпитое за уходящий 93-й в невероятном для иностранцев количестве, подействовали на Валерия, как забойный транквилизатор. Он охрип, перекрикивая стереосистему Армейца, работающую на пределе возможного. Из колонок, по девяносто ватт каждая, то вырывался «Аэросмит» со своей «бэби», от которой у него срывает крышу, то кабацкие песенки про сомнительную уголовную романтику. Это Армеец и Протасов дергали друг у друга пульт.

– Да прикрутите вы, типа, звук! – возмущался Атасов, но его никто не слушал.

Телевизор с предновогодней программой за этим гамом работал вхолостую. Впрочем, они ничего не потеряли. Набившая оскомину «тусовка» с московского ЦТ развлекала себя и публику приколами с нафталиновым душком. По всему чувствовалось, что снимали, в лучшем случае, осенью. Потом, как веяние времени, первый демократический президент, он же последний коммунистический божок, два в одном, словно в рекламе шампуня от перхоти, сообщил нации об истечении календарного года. Когда часы пробили двенадцать, 93-й канул в историю, а 94-й настал, Андрей испытал болезненный укол совести.

«Как там батя? Один сидит? В гости пошел? Да к кому ему идти-то? К соседу деду Оресту? Который был солдатом УПА¹⁴ в сороковые, потом сидел в лагерях, и на этой почве враждовал с дедом Бандуры, прошагавшим от Бреста и до Берлина».

«Может, и пойдет, как знать...»

– Ты о чем, типа, призадумался? – спросил Атасов, еле слышный за надрывающимися динамиками.

– Ни о чем, в общем-то.

– Тогда давай выпьем.

Вскоре от спиртного у Андрея закружилась голова, а Протасов с Эдиком пустились в пляс.

– Чему, типа, радоваться? – бубнил в левое ухо Атасов. – Вот кретины, типа. Обыкновенное гребаное число в календаре.

К часу ночи Атасов накачался до невменяемости, и куда-то исчез. Надо сказать, что вывести из строя Бандуру ему на этот раз не удалось.

– Старею, типа, – сокрушался Атасов, пока еще ворочал языком.

Одна из девчонок вскарабкалась на стол и принялась танцевать ламбаду, сбрасывая предметы туалета, пока не осталась в одних трусиках. Бандура позабыл об отце, и перестал думать о Кристине.

К двум ночи они все же хватились Атасова.

– Парни! – сказал Армеец, первым заподозривший неладное. – Если он гулять о-отправился, то плохие его дела. О-окоченеет, в сугробе, к утру пиши пропало.

¹⁴ Украинская повстанческая армия. Известны две организации под таким названием – созданная в 1941 Т.Боровцом «Полесская сечь» и боевые отряды, сформированные сторонниками С.Бандеры. И «Полесская сечь», и УПА ОУН (б) сражались и против гитлеровцев, и против польских вооруженных формирований, и против Красной армии. Известны обращения командования УПА к поработанным народам с призывом к борьбе с империалистическими хищниками. Известно также и о том, что УПА имела в своем составе 15 интернациональных подразделений, в т. ч. кубанскую казачью сотню. Деятельность этой организации до сих пор оценивается неоднозначно, я же, при попытке осудить этих людей, вспоминаю слова Шевчука из песни «Гражданская война»: ...Правда на правду, вера на икону...

– Да ни хрена подобного, – заартачился Протасов. Девушки избавились от одежды, и Валерке было не до поисков. – Чердак проветрится. Только на пользу пойдет.

Армеец показал на термометр, ртутный столбик которого провалился до минус семнадцати градусов:

– Ты что, Протасов, ду-дурак?

К без четверти три Атасов был обнаружен спящим на ступеньках пожарной лестницы и перенесен в дом. Веселье возобновилось. Приятели снова крепко выпили. А потом добавили еще и еще.

Около четырех они разбрелись по комнатам. Где-то до шести Андрей наслаждался любовью за деньги, и нашел ее ничуть не хуже бесплатной. Пожалуй, даже слаще. Тем более, в этой жизни за все так или иначе доводится платить. Да и какая, в сущности, разница? Девчонка была восхитительная, с озорными веснушками на носу и копной черных волос, оказавшихся жесткими, как грива кобылицы. С крашенными ноготками на руках и ногах и очаровательной родинкой у пупка. Глядя на эту родинку, Бандура остро ощутил притягательность чужого тела. Что и говорить, девчонка была НЕЗНАКОМОЙ, и пахло от нее по особенному. Совершенно другими духами, Кристина таких пряных не любила. И аромат волос был иным. А вкус кожи оказался с горчинкой. Только круглому идиоту могло прийти в голову, будто все женщины одинаковы, словно стрелы в колчане у монгола. Андрей завелся, как часовой механизм, и только изрядная доза алкоголя в крови, притупившая чувственные восприятия, спасла его от преждевременного финала. Грудь проститутки показалась Бандуре подростковой в сравнении с тяжелой грудью Кристины, но отнюдь не менее привлекательной. От выпитой водки шумело в голове, зато член застыл, как монолит, гудя от напряжения, подобно линии высоковольтных передач. Бандура бесцеремонно повалил девушку на диван. Та без лишних слов расставила ноги, и Андрей упал сверху, словно потерявший управление самолет. Их лобки столкнулись с сухим треском кастаньет.

– Ой! – вскрикнула проститутка, когда он вошел в нее.

Бандура сразу взвинтил темп, тараня партнершу словно копр, заколачивающий сваи в болото. Диван под ними заходил ходуном. Натиск нисколько не обескуражил ночную фею, она яростно заработала бедрами, каждый раз встречая его на противоходе. С такими приемами Бандуре еще никогда не доводилось сталкиваться. Кристина так никогда не делала. По крайней мере, лежа на спине. «*Потому, что предпочитала валяться, как бревно*» – со злостью думал Андрей, покусывая маленький, будто горошина сосок. И почти такой же твердый. Девушка сцепила ноги у него за спиной и пронзительно закричала, подстегнув Андрея, словно кнутом. Чтобы не оказаться первым, он вцепился зубами в одеяло. Но, это не помогло. Через секунду его захлестнул оргазм.

– Ты кончила? – прохрипел Андрей, переваливаясь на правый бок.

– Да, маленький.

– Я выйду, перекурю.

Он выскользнул в лоджию, прихватив сигареты со стола. Выстеленный сосновой доской пол казался холоднее наста. Мороз разрисовал стекла лоджии причудливыми узорами изморози. Улицу заливал холодный лунный свет. Стужа разогнала прохожих, и только фонари сиротливо торчали вдоль безлюдных тротуаров. Снег укрыл землю болезненно-бледным одеялом, тонким, как пуховая шаль. Большинство окон погасло. Очевидно, наступило пресыщение праздником, и даже самые заядлые гуляки отправились, кто на боковую, кто под стол. Многоэтажка Армейца стояла на отшибе, и пустошь подступала к дому впритык. Перемежаемая редкими островами кустов низменность тянулась к северо-западу на добрый десяток километров, до закованного в лед Старика. Мекки любителей поудить рыбку, а оттого изрешеченного прорубями, как поле брани воронками от снарядов. Многометровая опора вантового моста куталась во мглу, словно в плащ невидимку, оставив красные сигнальные огни сиротливо висеть в

пустоте. И уж совсем далеко, будто скопление звезд на краю галактики, перемигивались огни правобережья. Ближе всех была Оболонь. Спальный массив рос из самого берега, и черная речная вода на стремнине отливала тысячей бликов.

– Ох, и до фига же нас, – вздохнул Андрей, любуясь великолепной панорамой. – И в каждой квартире сегодня водка рекой лилась. Почему я не ликероводочный магнат, спрашивается?

Андрей сконцентрировал внимание на Оболони, попытавшись вычислить дом Кристины. Окна ее квартиры смотрели на Днепр. Андрею даже почудилось, будто он нашел, что искал. Впрочем, скорее всего, то была обыкновенная игра воображения.

«Да и какой в этом толк? – спросил у себя Андрей. – Ну, увидел. И что дальше?». – Он метнул окурок за перила. Проводив взглядом его прощальный пируэт, оборвавшийся на бетонных ступенях после крутого пике, Бандура вернулся в комнату. Девушка уже спала, посапывая носом, как ребенок. Чувствуя себя вырвавшимся из морозильника помидором, Андрей нырнул под одеяло, обнял ночную фею, втянул запах чужой кожи и забылся во сне.

* * *

Случилось так, что примерно в то же самое время, только на противоположном берегу Днепра, Кристина выглянула на балкон. Днепр прямо у ее ног оделся ледяным панцирем, и лишь черная полоса на фарватере оставалась неподвластной трескучему морозу. По набережной брела хмельная компания, издали казавшаяся сонными мухами с подоконника. Гуляки горланили какую-то песню. В разнобой, зато от души и одинаково сорванными голосами. Время от времени с разных сторон каменных джунглей ухали петарды, запасы которых у населения оказались впечатляющими. Морозный воздух вибрировал. Разрывам вторили сирены автомобильных сигнализаций.

Кристина слегка приподняла голову. Левый берег казался сотканным из серебряной пряжи ковром. За ледяными торосами, загромоздившими русло, за белой полосой пляжа, за заметенным сугробами лесопарком, за закованным в лед Стариком и обширной безлюдной пустошью виднелись еле различимые новостройки Троещины. С порядочного расстояния высотки сливались в сплошную каменистую гряду, подсвеченную крохотными переменчивыми огоньками. Где-то там, по предположению Кристины, должен был находиться Бандура.

«Напоят они его. – Думала она печально. – Особенно, этот алкоголик Амасов. Вот по кому ЛТП плачет. Да и Протасов, тоже хорош. И дружок его из Херсона. Бабушка таких тюремщиками называла. Пьяница. Да что там говорить, наверняка уже накачали».

«Ты сама виновата. Отшла парня...»

– Кристичка, – позвал из комнаты Бонасюк. – Простынешь, поистине.

Не удостоив мужа ответом, Кристина мыслями вернулась к Андрею. Едва наступил Новый год, она позвонила в квартиру на Лепсе, но там сработал автоответчик. Либо Андрей укатил с друзьями, либо упорно игнорировал телефон. Кристина предпочитала первое, – «Пусть лучше напьется, лишь бы один дома не торчал».

– Кристичка? Простудишься, по честному.

– Да, Кристина, давай к нам, – вторил ему грубоватый мужской голос, принадлежавший двоюродному брату Василия Васильевича, Ивану Митрофановичу Растопиро.

Тут, очевидно, следует уточнить, что дорогой кузен Вась-Вася Иван Растопиро упал Бонасюкам, как снег на голову. В самый канун Нового года. В качестве эдакого самобытного новогоднего подарка.

Иван Митрофанович был старше Вась-Вася на семь лет. Их матери были родными сестрами. Дети Васи и Ваньки случалось бегать одними огородами. Сестры долгое время проживали в пригороде, под одной крышей. Пока, в первой половине пятидесятых, вскоре после

кончины товарища Сталина, отца Вани, капитана Митрофана Растопиро, ни перевели из Киева в Запорожье. Не лишним будет добавить, что трудился капитан по лубянской части.

Дорожки братьев надолго разошлись. В 59-м Митрофан Растопиро повесил китель на крючок, устроившись инспектором первого отдела Запорожского металлургического комбината. Его единственный сын Иван, окончивший школу годом позднее, тоже было подался на комбинат. Но, мартены и домны пришлись новоиспеченному металлургу не по вкусу.

Да что я, по-твоему, дурак, до гробовой доски у печки корячиться?! – заявил Ваня отцу после приблизительно двух недель работы. Лента «Весна на Заречной улице»¹⁵ не сходила с экранов кинотеатров, но Иван обману не поддался: «В жопу эту металлургическую романтику. В гробу я ее видал».

Отец перевел сына в отдел охраны труда, но и там Ванька вскорости взвыл. Промучившись кое-как до июня, Иван поступил в мединститут. В те времена медики котировались ниже травы, блата никакого не требовалось, взятки тоже. Таким образом, проблем с экзаменами не возникло.

Получив диплом о высшем образовании, Иван Растопиро очутился на распутье. Перспектива врачевать в какой ни будь забытой Богом дыре его ну абсолютно не впечатляла. Тем более, что в медицине он звезд с неба не хватал и чувствовал, что навряд ли когда нахватает.

Пойду-ка я в армию, батя, – сказал Иван Митрофанович и, не долго думая, написал соответствующий рапорт. После Чехословакии и Даманского полуострова¹⁶ армия росла, в офицерах была нехватка, и, вскоре, лейтенант медицинской службы Иван Растопиро уже служил на Краснознаменном Тихоокеанском Флоте. В щегольском черном кителе с двумя шеренгами золоченых пуговиц Ваня казался настоящим морским волком. Сфотографировавшись, он выслал фотографию родителям, в Запорожье. Те, чуть было, не заплакали. Через год Растопиро женился. Жена подарила ему двоих детей.

Время шло незаметно, дни тянулись, а годы летели. В 89-м, на самом излете Перестройки капитан второго ранга Растопиро убыл с флота согласно возрастному цензу и выслуге лет. Продал квартиру во Владивостоке и перебрался в родное Запорожье.

На гражданке кавторанг похоронил жену. Дети выросли и упорхнули из родительского гнезда. Растопиро остался бобылем. Вот он, деятельный, как большинство офицеров-отставников, и взял себе за правило (пенсия была невелика, но на хлеб, масло и билеты хватало) мотать по взъерошенной переменами стране, навещая многочисленных ближних и дальних родственников. Причем, Иван Митрофанович не имел обыкновения заранее сообщать о своих визитах, обрушиваясь на ничего не подозревающую родню, как пламя и пепел на головы помпеевцев. В канун Нового 94-го Иван Митрофанович избрал в жертвы чету Бонасюков.

Кристина, только-только распрощавшись с Андреем, поспешила домой на Оболонь, где и застала мужа в компании незнакомого ей мужчины. Кузена Ивана она никогда в жизни не видела. Вася и незнакомец сидели за обеденным столом, сервированным литровой бутылкой «Арктики» и парой граненых стаканов.

– Так вот ты какая?! – Незнакомец покачал коротко стриженной седой головой. – Ну, красавица! Настоящая красавица!

Кристина опустила сумку с продуктами на табурет.

– Давай, Василий, представь своей хозяйке.

Так она и познакомилась с кузеном из Запорожья. Мужчины (главным образом Иван Митрофанович) позвали ее к столу. Кристина отказалась от водки, но присела, поддержать компанию, и принялась украдкой разглядывать кавторанга. Иван Митрофанович оказался

¹⁵ «Весна на Заречной улице», мелодрама режиссера Ф.Миронера, в главных ролях Нина Иванова и Николай Рыбников. (1956)

¹⁶ Подразумеваются оккупация Чехословакии войсками стран Варшавского договора в августе 68 года и необъявленные пограничные бои на советско-китайской границе весной 69-го

мужчиной видным. Одного роста с Вась-Васем, но, если Бонасюк был словно вылеплен из студня, только чудом удерживавшегося под бледной кожей, то кузен по твердости не уступал железу. Не по возрасту крепкие мышцы, широкий торс, дубленое морскими просторами лицо и квадратный волевой подбородок (вместо Васиного крошечного, безвольного), украшенный чисто боцманской бородкой, производили благоприятное впечатление. Если в кузенах и присутствовало нечто родственное, то оно было на совесть замаскировано. А вот глаза кавторанга не понравились Кристине с первого взгляда. Глаза были невыразительные, рыбы. Холодные, как ледышки, и такие же бесчувственные.

«Глаза – зеркало души», – частенько говаривала кума Анька. Поводов оспорить эту нехитрую истину у Кристины до сих пор не возникало.

– Ай да красавица! Вот, значит, как живете...

Тон, каким была сказана последняя фраза, заставил ее насторожиться. *«Маловероятно, чтобы Вася стал хвастать кузену, с которым не виделся много лет, как он на самом деле живет»*, – все же решила Кристина, подумав, что знай она о прибытии кузена заранее, только бы ее на Оболони и видели.

«Поехала бы с Андреем, и голова бы ни о чем не болела. Выкинула б куда подальше всю эту чушь про склонность Бонасюка к суициду. Даже под Новый год...» Кристина когда-то прочитала в журнале, что процент самоубийств в канун Нового года значительно выше среднегодовой нормы. Если в отношении самоубийств, конечно, можно применить понятие «норма». В принципе, этот фактор легко объясним наличием у каждой медали как минимум двух сторон, и Новый год не исключение из правила. Именно эти соображения и привели Кристину на Оболонь. *«Не дай-то Бог, вернуться 2-го домой и обнаружить супруга, висящим на ремешке в кладовке. С синим лицом и языком на уровне подбородка. Не дай-то Бог»*.

Застав мужа в обществе двоюродного брата, она почувствовала досаду. – *«А я Андрюшу отправила. Вот дура»*.

«Все то ты врешь, подруга. Знай ты про брата заранее – еще быстрее бы прикатила. Иначе, как бы Васек кузену-отставнику пропажу молодой жены объяснял? Что бы такое выдумал? Эти многочисленные Бонасюки, разбросанные по всему бывшему Союзу, никогда не видятся, друг другу не помогают, но, зато, каким-то совершенно загадочным образом, знают друг о друге всю подноготную. А чего не знают, о том догадываются. Или додумываются, перемыкая косточки родственникам на уровне последней модели „Индезита“. А то еще и качественнее».

«А у нас из избы сор выносить не принято. Так что знай, ты, коза, о визите Васькиного кузена, каким бы старым тупым солдафоном он ни был, ты б мигом прискакала».

«Ой, мама, что люди скажут?!».

«Да пошли эти люди к чертовой матери».

«Пошли не пошли, а тебе с Васей и его кузеном теперь до утра зависать. Вот и думай сама, кто куда пошел, в конечном счете».

Решившись на доброе дело ради Васи, Кристина и злилась за свою доброту на него. Такое случается частенько.

«НИЧТОЖЕСТВО».

Тем более, что Василек, распив с кузеном литровую бутылку «Арктики», как прилег на диване, так и клевал носом перед телевизором.

«С праздником, Кристина Всеволодовна»

Кристина заступила в наряд по кухне. Пока в четырех кастрюлях попевал кипяток, она, на скорую руку, прикинула список новогодних яств. *«Вонючку сделаю, – загибала пальцы Кристина, – «оливье», «шубу». Горошек, кажется, есть. Можно было бы винограет покрошить, но его все равно никто никогда не ест. Селечку под луком, бутерброды со шпротами. Маринованные помидоры в гараже, ояята там же, не забыть сказать Васе, чтобы принес. Майонеза*

у меня восемь пакетов, жалко, что не десять...» Из горячих мясных блюд она выбрала плов по-туркменски, утку с яблоками и курицу, фаршированную Артеком с ливером. Кулинарные замыслы даже подняли Кристине настроение. Такова уж была госпожа Бонасюк. Домашняя стряпня была ее стихией.

«Хотя, если руку на сердце положить, до чего же, в сущности, это идиотское занятие – готовка праздничного ужина. – Усмехнулась Кристина, вооружившись разделочной доской. – Этого не знают домохозяйки на Западе, этот вопрос я бы не стала обсуждать с мажорками, привыкшими набивать пузо полуфабрикатами из супермаркета. Это тема для посвященных».

«Горбатись на кухне как проклятая, – продолжала Кристина, – чистишь, варишь, перемалываешь вручную и на комбайне, жаришь, шкваришь, до выпадения вен и ломоты в спине, и все только ради того, чтоб через какую-то пару часов, от усталости с ног валясь, перемывать горы грязной посуды».

«За-ме-ча-тель-на-я традиция».

«Кухонный садомазохизм».

«А мне все равно нравится».

Раздумывая таким образом, Кристина без устали орудовала ножом, в то время как кузены что-то пьяно бубнили из гостиной. Она отставила ингредиенты салатов и уложила на противень утку. Вывернула несчастную птицу чуть ли не наизнанку и принялась набивать заранее порезанными дольками яблок. Затем, сделав с десяток надрезов, вставила в них чеснок. И, наконец, обильно обработав солью и хмели-сунели, переправила тушку в духовку.

Кристина не успела разогнуться, когда Иван Митрофанович вошел на кухню. Беззвучно, как диверсант из боевика. В следующую секунду крепкая ладонь «морского волка» улеглась ей на левую ягодицу.

– Ну-с, кухня, как продвигаются дела? – поинтересовался Растопиро слегка заплетающимся голосом.

«Мои или моей задницы?».

Отметив про себя, что алкоголь воздействует на кавторанга стандартно, то есть, хоть руки привязывай, Кристина отодвинулась к окну. Назвать прикосновение приятельским у нее не поворачивался язык.

«Так ты еще и разбойник, – решила для себя Кристина. – Седина в бороду, бес в ребро. Ладно, будем на чеку».

Рыбы глазки экс-кавторанга светились грубоватой отеческой нежностью, эдаким пьяным товариществом напополам со слабо прикрытым предложением: «А почему бы и нет, а?».

Нашалившая рука, соскользнув с халата, отправилась восвояси.

«Зря я Андрюшу отправила», – в который раз пожалела Кристина.

– Помощь нужна, красавица?

– Смотря в чем...

– А в чем, красавица, скажешь.

Кристина указала на миску вареного картофеля:

– Мелко крошить сумеете?

Из гостиной донесся храп Вась-Вася, похожий на грозные раскаты.

– Не умеет пить Наука, – покачал головой Иван Митрофанович, и, засучив рукава, взялся за дело. Он уже два года, как остался без жены, и приучился стряпать сам. Причем, на приличном уровне. Тут сказывалась многолетняя флотская практика: первое, второе и компот. Никакой сухомятки. Прием пищи – дело святое. Так что кухонные обязанности оказались кавторангу не в новинку, и дело у них зашпорилось.

Поскольку Иван Митрофанович, ловко шинкуя все, что только ни подбрасывала Кристина, не уставал прикладываться к бутылке (а он привез в подарок Бонасюкам картонный ящик «Арктики»), язык его развязывался все больше и больше. Впрочем, руки пока не утра-

чивали сноровки, и Кристина, с легким ужасом ожидавшая, когда же отставной военврач отсечет себе пару фаланг на пальцах, в конце концов успокоилась.

Кухня наполнилась флотскими побасенками кавторанга, сальными матросскими шуточками, а ближе к полуночи, и откровенными заездами в адрес кухни – Кристины: «*А почему бы и нет?*».

Кристина услышала, например, как кавторанг ловил диковинных заморских рыб на траверзе острова Камаран, сидя прямо на кранцах большого авианесущего крейсера: «...и поверь, красавица, если клев был поганым, так капитан разворачивал посудину, и мы шли в другой квадрат Красного моря».

Кристина недоверчиво улыбалась кавторангу, в сущности, рыбная ловля была ей до лампочки, будь то русло Старика под домом или далекий Баб-эль-Мандебский пролив.

– Но, уж ты мне поверь, – гнул далее кавторанг, – если бы мы сейчас там ходили, никакая американская свинья и пикнуть бы не посмела. Сидел бы Садам Хусейн, как у Бога за пазухой. И в ус не дул.

Три года назад, во время войны в Персидском заливе,¹⁷ Союз, если мне не изменяет память, еще был на картах. – Попробовала возразить Кристина, заправляя «оливье» майонезом. – И не особенно на него Буш озирался.

Вот именно, что на картах! – с болью сказал кавторанг. – А Буш? Буш этот – американская скотина. – Иван Митрофанович отвлекся от распятой на терке свеклы, чтобы наполнить очередную рюмку. – Распоясались они теперь, к чертовой матери. И о каком это Союзе ты говоришь? К 91-му от Союза одна тень осталась. Ты уж мне поверь. Давай Сонни Листона из дома престарелых достанем, если он живой, конечно, перчатки ему на руки, капу в рот, и пускай Эвандера Холифилда¹⁸ уложит.

Оба имени Кристине ни о чем не говорили и она предпочла не спорить.

– Союз?! Какой уж там был Союз?! Пародия одна. Горбачев во всем виноват. – Со злостью добавил кавторанг. – Ну, и эти три гада, ясное дело. Из Беловежской пуши. Ельцин, Кравчук и этот третий, с такой точно фамилией, как у предателя из «Молодой Гвардии». Но, ты погоди. Подымет их народ на вилы. Ты уж мне поверь!

Кристина пожалала плечами. В начале 90-х она половину времени проводила в автобусах, на пути в Польшу и обратно, а вторую выстаивала на базаре. Когда вы обвешаны сумками с ширпотребом, будто камикадзе тротилковыми шашками, а пачка долларов у вас хранится в трусах, о судьбах государства скорбеть недосуг. Она и не скорбела. НА КОЙ ХРЕН ТАКОЕ ГОСУДАРСТВО ВООБЩЕ СДАЛОСЬ, ЕСЛИ В НЕМ НАДО ВЫЖИВАТЬ, А НЕ ЖИТЬ ПОЧЕЛОВЕЧЕСКИ, она, правда, тоже не думала. Задача стояла на кусок хлеба заработать. И ног не протянуть. Вот она и зарабатывала. А о судьбах мира пускай у отцов нации головы болят. Они, отцы, по базарам не шастают, в очередях на таможнях не загорают. Им один фиг больше заняться нечем. Ну, так и флаг тем отцам в руки. И матерям их тоже по флагу. В известные, понимаешь, места.

– Разделили между собой Союз, будто торт, чтобы отломившимися кусками не делиться, – вел дальше Иван Митрофанович, – и нет Союзного государства. Одним махом, ради карманов своих сраных, такую державу перечеркнули.

Кристина подумала, что в словах кавторанга уж очень много пафоса.

¹⁷ Кавторанг имел в виду войну в Персидском заливе (17 января – 28 февраля 1991) между Ираком и многонациональными силами во главе с США. Конфликт известен невиданным в истории размахом применения авиации, и, по мнению многих специалистов, знаменовал новую эпоху в военном искусстве

¹⁸ Чарльз Листон (Сонни Листон), (1932–1970) – американский боксёр-профессионал, чемпион мира в тяжёлом весе в 60-х годах минувшего столетия. Эвандер Холифилд, р.1962, американский боксер-профессионал, выступающий в супертяжелом весе. Чемпион мира (1990–1992, 1993–1994, 1996–1999)

– Горошек откроете, Ваня? – она пододвинула Ивану Митрофановичу пол-литровую банку горошка. Нагнулась, передавая консервный нож. Успела поймать острый взгляд Растопиро, побывавший в разрезе ее халата.

«Ах ты бабник старьей», – беззлобно подумала Кристина.

– Как по мне – эта держава сама себя перечеркнула.

Иван Митрофанович взялся за ключ.

– Это потому ты так думаешь, девочка, что не была на Средиземном море в октябре семьдесят третьего.

– А что было в семьдесят третьем? – вяло поинтересовалась Кристина. Она помнила, что на кухне где-то завалились две банки «лососа в масле», а найти никак не могла: «И куда это я их засунула? Вот чертов склероз».

В семьдесят третьем арабы Израилю войну Судного дня устроили. Рамадана, понимаешь? Египет и Сирия хотели маланцев к чертовой бабушке с карты стереть.¹⁹

Иван Митрофанович недолюбливал евреев. В принципе, ничего худого те ему не сделали. «Ничего личного», как говорят американцы. Просто недолюбливал, и точка. Арабов, впрочем, как вскоре выяснила для себя Кристина, кавторанг тоже терпеть не мог, обобщенно относя к обширной конгломерации «черножопых», куда, в принципе, можно зачислить кого угодно.

– А в результате, маланцы черножопым Судный день устроили. Нарезали по ушам, мама не горюй. Так наши десять дивизий по тревоге подняли! Как положено! Чуть третья мировая не началась!

– И что, хорошо бы это было?

– Да дело не в том, хорошо или плохо! Тогда была сила, а сейчас ни черта нету. Потому и бомбят, кого хотят. – Кавторанг в сердцах повел ключом. Край крышки выгнулся кверху, сразу захрустело стекло.

– Ваня! Вы мне осколков в горошек накрошите...

– Не крошу. – Иван Митрофанович снял крышку и провел по ободу пальцем. – Ух уж эти мне, понимаешь ли...

– Вот вы, Ваня, – Кристина пододвинула миску, в которой вымешивала салат, – все о силе твердите, была сила, а теперь нету силы... А зачем она нужна? Просто так, чтобы все боялись?

– Ну... – растерялся кавторанг.

– Я, конечно, под флагом Родины родной по морям не плавала, но... я почти в это время на ткацкой фабрике корячилась. За нищенские копейки. И, если хотите знать мое мнение, то никакого безработного из Гарлема вы бы на ту фабрику и калачом не заманили. Под дулом пистолета, разве что. Так что мне лично не ясно, кого вы там защищали и ради чего третью мировую развязать собирались, вы, Ваня, уж извините за политическую безграмотность.

Прозвучало это как откровенный вызов, но Иван Митрофанович не поднял перчатки. Он насупил, в обиде, и предпочел сменить тему. Понюхал вскрытую банку горошка и сказал с возмущением:

– Вот дегенераты, да?!

– Скис?

– Не скис. Суповой всучили.

Пока Кристина разглядывала банку, Иван Митрофанович, как бы невзначай, двинул вперед колено. Таким образом, чтобы оно оказалось между ее коленками. Она отступила на шаг – поближе к плите, подальше от захмелевшего медицинско-морского волка.

– Да, обманули с горошком, – признала Кристина.

¹⁹ Имеется в виду т. н. Октябрьская война 1973-го года между Израилем и коалицией арабских государств, повлекшая серьезный кризис в советско-американских отношениях. Закончилась разгромом коалиции

– А я тебе о чем?! – с жаром подхватил Иван Митрофанович. – Раньше на каждой этикетке, черным, понимаешь, по белому полагалось писать: суповой, там, или столовый. А сейчас? Каждый прочит, как он хочет! Вот, недавно, иду домой. Готовить лень, решил банку тушенки взять. Отварить макарон... – кавторанг потер ладони.

– Макароны по-флотски?

– Наподобие. Смотрю, тушенка, как тушенка. Сделано, ты понимаешь, для Армии. Ну, думаю, раз для армии...

– Я тоже как-то ожглась. – Кристина не сдержала улыбки. – Там мясом и не пахнет...

– Да она говном воняет! – расставил точки над I кавторанг. – Это не тушенка, это, ты мне верь, вредительство. За такую на деревьях за яйца вешать надо. И производителей, и продавцов.

– А кто вешать будет? – спросила Кристина, не один год проработавшая на рынке. – Менты? Налоговая? Санэпидемстанция? Да они еще хуже торгашей! Что лучше: вымогать взятки, или всовывать?

Иван Митрофанович, несколько озадаченный этой неожиданной вспышкой, предпочел отвернуть в сторону:

– У нас на флоте, бывало, тушенку от «второго фронта» выдавали.

Кристина округлила глаза:

– Американскую?

– А какую еще? Ты мне верь! Сорок второго года выпуска. Объедение, понимаешь?!

– Почти пол века консервам?

– Ну и что, если они с умом сделаны. И, для людей. – Иван Митрофанович уперся взглядом в высокий вырез ее халата, открывавший глубокую ложбину между двумя вершинами. Взгляд кавторанга был пристален и печален.

– Ни черта натурального не осталось. Кроме баб...

Кристина предпочла развернуться боком.

– Ты «Шубу» умеешь делать, Ваня?

– Ты уточни, а я ориентируюсь по месту.

Они незаметно перешли на «ты».

– Очень хорошо. – Кристина поставила на стол две миски с прошедшими через терку компонентами и чистую селедочницу, смахивающую на щит гоплита. – Выкладывай последовательно картошку, лук, морковь, селедку, свеклу и майонез. Справишься?

– Так точно.

– Вот и хорошо. А то до полуночи пропитаться не успеет. Как следует. А я пока «Мимозой» займусь.

– Чем?

– «Мимоза» – это салат – пальчики оближешь.

– Салат «пальчики оближешь» в исполнении кухни «пальчики оближешь», – сказал кавторанг с пьяной улыбочкой.

Кристина пропустила аляповатый комплимент мимо ушей. После того, как выяснилось, что кавторанг кое-что понимает в готовке, в отличие от большинства мужиков, она посмотрела на него под несколько иным углом зрения. Помощь домашней хозяйке на кухне – вовсе не такая ерунда, как может показаться иному недалекому валенку. В деле завоевания женского сердца перемытая после вечеринки посуда стоит хорошего букета роз. А то и двух букетов. Нельзя утверждать, что кухонные усилия принесли кавторангу немедленные дивиденды. Но, лед тронулся, как выражался незабвенный Бендер. Кристина, сменив гнев на милость, вернулась к затронутой им теме. Ей стало казаться, что она одернула его через чур сурово:

– Ты мне так и не рассказал, как третья мировая война чуть не началась?

– Ну... Война, не война... но, по всякому могло обернуться. – Иван Митрофанович вздохнул. – Знаешь, а ведь она и не заканчивалась никогда. Только они нас, безо всяких ракет, одним своим долларом под орех разделали. Такие вот пироги... слушай, Кристина, у меня майонез закончился.

Она шлепнула новый пакет «провансаля» ему под самый нос.

– Спасибо.

– Не за что. Тебе спасибо, что помогаешь.

Иван Митрофанович покраснел от удовольствия:

– Служу Советскому Союзу. Я всегда пожалуйста. Только кликни.

Бутылка «Арктики» быстро пустела – Иван Митрофанович не забывал подкрепляться. Предложил и Кристине. Та не отказалась, и они опрокинули пару рюмок. Кавторанг оставил политическую тему, обратившись к куда более увлекательной теме сексуальных отношений на флоте. Кристина предпочла бы политику. Не потому, что интересовалась последней, а спокойствия ради. Иван Митрофанович хмелел на глазах, и держать руки при себе ему становилось все труднее.

Вскоре Кристина узнала, как военврач Растопиро ошибся с дозировкой брома, вдвое превысив норму.

– Да ты что?! – развеселился бывалый кавторанг. – Весь личный состав, как сонные мухи ползал. Хоть шлюху в кубрик загоняй, хоть «свистай всех наверх», – пополам земля. Слава Богу, мы на рейде стояли. В нашем, советском порту. Так не один, понимаешь ли, матрос на берег в увольнительную не сошел. – Иван Митрофанович назидательно потрусил пальцем в воздухе: – Вот что химия с людьми вытворяет.

– Это же очень вредно, – обронила Кристина между делом. Вытянула из духовки противень с уткой и принялась ложкой вычерпывать янтарный яблочный сок напополам с жиром. Кожа утки покрылась тонкой хрустящей корочкой. Блюдо источало аромат специй, чеснока и печеных яблок. В общем, нечего даже говорить, пахло с противня бесподобно.

– Почему вредно? – не понял кавторанг.

– Не только вредно, – проговорила Кристина, – это же беззаконие вопиющее! Разве можно молодых парней, у которых вся жизнь впереди, пичкать всякой дрянью?! А что с ними дальше-то будет?!

– Ну... дальше... – кавторанг развел руками. – Стояк будет не тот, что до флота. Это точно. А вообще, кухня-Кристина, кто в Союзе когда думал, что будет дальше? И что по закону, а что нет. Закон, понимаешь, тайга. В восемнадцать эрекция такая, какую в сорок ни за какие деньги не купишь. Знаешь анекдот про половое бессилие?

– Нет, наверное.

– Доктор. У меня половое бессилие. Член так стоит, что его никакими силами не согнешь. И потом, кухня-Кристина. А что прикажешь делать? Я в двадцать был всегда готов, как пионер, понимаешь ли. Да у меня на первую попавшуюся юбку как подымался, так часами не падал. – Кавторанг потрясенно покачал головой, как бы не веря собственным ушам и одновременно признавая, что славное было времечко. Вот только ушло как-то слишком быстро.

«У тебя с эрекцией, старый разбойник, и сейчас по-моему, будьздоров», – отметила про себя Кристина и отодвинулась на максимальное расстояние.

– Ну вот, – продолжал кавторанг. – А на большом авианесущем крейсере под тысячу молодых мужиков. И как, понимаешь, быть? Выдать каждому по надувной бабе вместо спасательного жилета? Так и на что, спрашивается, будет похож корабль? А дисциплина? Ты себе представляешь, во что это выльется?

– Но как-то же это решается? Цивилизованно, я имею в виду.

– Ага, – согласился кавторанг. – Решается. В гальюне правой рукой. Ну, так какой тут выход? Переделать весь экипаж в педерастов? Тоже нельзя. Ты мне верь. Боевая, ты ж пони-

маешь, единица! А кто не захочет в педерасты? Как по мне лично, так лучше на дне морским лежать, чем, понимаешь, с мужиком голым! – Ивана Митрофанович скорчил такую гримасу, будто его вот-вот вывернет наизнанку. – Вот и выходит: чтоб на стальную переборку не лезть, лучше добровольно бром глотать. В противозачаточном компоте.

– А как на Западе?

– А я хрен его знает, как на том драном Западе! – кавторанг сжал в кулаке полупустой пакет «провансаля». Последние капли выдавились на салат с откровенно непристойным звуком. – Все, красавица. Шуба готова.

– Вынеси на балкон.

Когда он вернулся, Кристина подкинула ему очередное задание – крошить «крабовые палочки».

– А как у тебя с «Медузой»?

– С «Мимозой». – Кристина улыбнулась.

– Ну да, точно.

– Почти готова.

– Вот и хорошо, – кивнул Иван Митрофанович, и его снова потянуло на моря. В артиллерийские казематы, пропахшие продуктами камбузы и кубрики, где матросские гамаки висят.

– На берег команду не отпустишь. Они же неуправляемые. Люди подневольные, что поде-лаешь?! Могут на берегу такое учудить, мозги набекрень съедут. Точно тебе говорю.

– А бордели в портах? – поинтересовалась Кристина.

– А что, бордели? Откуда у советского матроса валюта? И потом, а светлый облик строителя коммунизма? Как с обликом-то? Ты себе представляешь, что будет с карьерой заместителя командира по политчасти, да и с самим командиром тоже, если наших «туземцев» в бардаке за жопы возьмут?! – кавторанг приставил палец к виску, имитируя пистолетный выстрел. – Строителю коммунизма и защитнику социалистического отечества до секса и дела нет. Вот что я тебе скажу.

– Да уж...

– А, поскольку, физиологии на идеологию начхать, самое разумное решение: этих самых защитников успокоительными средствами торбить, как тараканов «примой».

– Я и не задумывалась никогда, – призналась Кристина рассеянно, – над этой проблемой.

– Да и на кой она тебе? – поддержал Растопиро. Некоторое время кавторанг молча стругал «крабовые палочки». – Тоже мне, крабовые. Стрелять за такие надо.

– Если ты закончил, посмотри, как там утка в духовке.

– Вот Гитлер на своих псов, – начал Растопиро, прикрутив огонь до минимума, – монеты не жалел. Бордели, понимаешь, шнапс рекой. А у нас: не положено, и баста.

– А на берегу что?

– Как, что? Хозработы. Подкрасить, почистить, убрать. И политзанятия, ясное дело. Ты, кузина, не представляешь, как политбеседа стресс снимает. После одиночного плавания.

– Ужас какой-то.

– Был, правда, у нас случай, – поменял тему кавторанг. – Закадрили наши матросы шлюху. И скрытно переправили на корабль. Перед одиночным плаванием. Ты себе представляешь?!

– Где же она спряталась?

– Э... – кавторанг принял вид знатока. – Да где, понимаешь, угодно. Авианесущий крейсер, все равно как город на воде. Слона спрятать легче, чем иголку в стоге сена.

– И что было дальше? – спросила явно заинтересованная Кристина.

– Ну, как что? Мы ее только на четвертый месяц выявили. Без сознания. Да другая баба и за пять жизней столько впечатлений не наберется.

– И что же вы предприняли?

– Изъяли, ясное дело, у команды. Изолировали, понимаешь, в районе кают-компаний. Взяли под усиленную охрану. Я тебе доложу, в одиночном плавании женщина на вес золота будет.

– И дальше она обслуживала офицеров?

– Зря смеешься. Я ее, ясное дело, обследовал. Как военврач. Обнаружил лобковых вшей. Она их половине команды подарила. Ну, это безделица, по нынешним-то временам. Я, кстати, кузина, учился на гинеколога. – Задумчиво добавил кавторанг, скользнув мутным взглядом по смуглым ногам Кристины.

«Пойду-ка я, переоденусь в спортивный костюм, – решила она. – Для разрядки международной напряженности...».

– Да, закончил гинекологию... – грустно сказал кавторанг.

– Чего ж ты в армию пошел?

– На Флот, – важно поправил Растопиро. – На Флот Родина позвала. Напряженная международная обстановка...

– Хороший гинеколог при любой власти с голода не умрет.

Иван Митрофанович молча вскрыл бутылку, наполнил стакан и выпил залпом. А затем придвинулся вплотную к кухне и положил ладони ей на колени. Кристина, опасавшаяся чего-то подобного, *«а чего еще следует ожидать от тупого старого солдафона, разогретого собственной болтовней и водкой?»*, тем не менее, растерялась. Восприняв ее молчание, как одобрение (молчание – знак согласия, эту истину проходят еще в школе), кавторанг двинулся выше и достиг уголка хлопчатобумажных трусиков. Полы халата скользнули в разные стороны.

Краем уха Кристина уловила безмятежный храп Василька, доносившийся из гостиной размеренным рокотом океанского прибоя, и поймала себя на том, что звуки, издаваемые бестолковым супругом раздражают ее на уровне рук его распоясавшегося кузена. Кристина не испытывала ничего. Ни злости, ни влечения, а одну сплошную гадливость.

– Вот где мое призвание! – с дурацким пафосом сказал Растопиро.

– Иван! Немедленно прекрати!

Ладони остановились на бедрах, подцепив резинку трусов. Кристина попробовала отстраниться, но хватка оказалась железной.

– Иван! Убери грабли!

– Ты чего всполошилась, красивая! Я же доктор, ты мне верь.

«Все мужчины скоты. По крайней мере скоты все, кто только мне по жизни попадаются».

– Иван! Я кому сказала!

Положение было настолько нелепым, что Кристине захотелось расплакаться. Иван Митрофанович окончательно захмелел. Хотя, она и допускала, что он был значительно трезвее, чем хотел показаться, прячась за ширмой опьянения, как кукуклуксклановец под дурацким колпаком. Когда лица не разглядеть, куда удобнее орудовать руками.

На кухне было жарко, как в тропиках. И тесно, как в машинном отделении парохода. Кристина попятилась. Иван Митрофанович вцепился в халат, не собираясь расставаться с добычей.

– Отпусти!

Сухо треснули нитки, пуговицы брызнули веером стреляных гильз, и халат соскочил с Кристины, словно драпировка музейного экспоната. Женщина оказалась полуобнаженной. Глаза кавторанга полезли из орбит, а дыхание стало, как у астматика.

– Иван! Я сейчас закричу!

Кристина не хотела скандала. Иван Митрофанович, судя по всему, тоже не жаждал разбудить Бонасюка. Борьба происходила в молчании, а короткие фразы, какими обменивались противоборствующие стороны, произносились хоть энергично, но вполголоса. В гостиной Вася

громко хрюкнул во сне. В телевизоре балагурил какой-то дурак, летели пробки из бутылок, а хрусталь звенел о хрусталь.

Резинка лопнула, и тусы очутились на коленях.

– Ну, не ерпенься, хорошая!

«Проклятый тупоголовый тютя! – со злостью подумала Кристина, имея в виду Вась-Вася. – Только такая набитая дура, как я могла на него пятнадцать лет жизни потратить. Лучших лет. И во имя чего?! Его жену лапают, а он на диване хрюкает, как свинья. Пробку понохал, и откинулся! Ничтожество. Жалкое, никчемное ничтожество!»

– Ну же! Не брыкайся! – хрипел Иван Митрофанович прямо в ухо. Его руки были у цели.

– Животное!

«...Только того и заслуживает, чтоб его жену первый встречный ублюдок трахал в собственной доме, как какую-то третьесортную блядь».

– Животное, – нисколько не смутился кавторанг. – А ты таких любишь. Я по глазам твоим блудливым сразу все понял. Тебе мужик нужен. Мужик, а не рохля. Ты не боись, мы родственники, да не кровные.

У Кристины звенело в ушах. Все-таки она была пьяна, а кавторанг проявил исключительную напористость. Кроме того, он был силен как буйвол.

– Да ты ж мокрая совсем! – рычал Растопиро, утратив всякую осторожность. На Ваську ему стало наплевать. – Что ты выкобениваешься, сученка?!

Брюки на ширинке вздыбились роковым утесом, не в силах скрыть инструмент прямо-таки устрашающих размеров.

«И кто б еще про бром болтал, – успела подумать Кристина, далеко отводя руку. – Да тебе, в молодые годы, в броне, видать, купаться надо было, чтобы хоть какого результата достичь». Рука двинулась вперед (а она у Кристины была вовсе не легкой), прочертила широкую дугу и со звонким шлепком поразила левое ухо кавторанга.

– Ух! – выдохнул Растопиро, споткнулся о табурет, и с грохотом повалился на пол. Кристина накинула халат и, на всякий случай, потянулась за молотком для отбивных.левой рукой. Правая у нее онемела.

– Поистине, что это? – сонным голосом сказал Вась-Вась. – Кристя? Что это было?

«С добры утром, ничтожество, – подумала Кристина, и, в сердцах, сплюнула. – Это твой брат-козел по морде схлопотал. За длинные руки».

Кавторанг, шатаясь, поднялся на ноги. Ни дать, ни взять боксер после пропущенного удара. Он ошеломленно смотрел на Кристину.

– Я же просила, не надо, – вполголоса произнесла женщина. – Сам виноват.

– А? Кристя? Что-то, поистине, упало?

«Твой кузен, ничтожество».

– Вот так, значит, – пробормотал кавторанг. На его левой скуле вырисовывался кровоподтек, похожий на багровую тучу. – Вот, значит, как...

В гостиной Василек надел шлепанцы на босую ногу.

– Все нормально, Вася. Это я миску с холодным выронила, – сказала Кристина, наблюдая за поверженным кавторангом, и чувствуя, что молоток без надобности. Иван Митрофанович не жаждал реванша (пока, по крайней мере), подыскивая выходы из стратегического тупика, в какой сам себя и загнал.

– Ну у тебя и рука, кузина, – нашелся, наконец, кавторанг, и, не глядя больше на Кристину, шмыгнул в ванную. Когда Васек опасно заглянул в кухню, за Растопиро уже захлопнулась дверь.

– Кристя? А где Ваня?

Кристина показала на ванную.

– Как ты заснул, твой кузен с бутылкой не расставался. Все вливал в себя эту водку проклятую. А теперь, видать, отдает обратно.

Василий понимающе кивнул.

– Спасибо тебе за чудесный Новый Год, Васенька.

Лицо Бонасюка изобразило раскаяние, но Кристина, в негодовании отвернулась.

Проторчав в ванной не менее часу, Иван Растопиро, наконец, покинул свое убежище и, стараясь держаться подальше от Кристины, перебрался в гостиную к кузену.

– Что у тебя, поистине, с лицом? – всполошился было Бонасюк.

– Да капилляры чертовые... Сегментные пятна, понимаешь... От водки, короче.

Кузены просидели в гостиной до половины двенадцатого, пока Кристина не позвала их на помощь. Накрывать праздничный стол. Вскоре часы пробили полночь. Они немного посмотрели «Огонек». Выступления актеров казались Кристине безвкусными, тексты песен идиотскими, а музыка – издевательством над ушами. Кристина и кавторанг делали вид, будто ничего между ними не случилось. И, пожалуй, это было лучшим, что только можно придумать.

– Раньше новогодние программы куда интереснее были, – с ностальгическими нотками посетовал Иван Митрофанович.

Поглощенное за новогодним столом спиртное вернуло ему хотя бы некоторую часть недавней самоуверенности.

– Раньше все было, поистине, лучше, – грустно согласился Бонасюк.

– Раньше сравнивать было не с чем, – подвела черту Кристина, и вышла на студеной балкон. После душевой комнаты морозный (уже январский) воздух был обжигающе свеж. Днепр скован во льды, а огни далекой Троещины, где, по предположению Кристины, отмечал Новый Год Бандура, еле пробивались от самого горизонта. Настроение у Кристины, с вечера никудашнее, сделалось хуже некуда. Принимая во внимание расхожую фразу: «Как Новый год встретишь, так его и проведешь», год Кристину ожидал тот еще.

Глава 5

УБИТЬ ЧЕЛОВЕКА

Новый год начался для Андрея с опустошительной, словно взрыв бризантной бомбы мигрени. Атасов вручил ему «Пенталгин», но, и таблетки оказались бессильны. К вечеру первого января приятели снова уселись за стол и выпили никак не меньше вчерашнего. Девчонки укатили, деньги закончились, а когда за столом одни мужчины, выпивка легко перерастает в пьянку. Кристина так и не позвонила.

Второго утром Андрей покинул гостеприимную квартиру Армейца, от одного вида которой его теперь немного мутило, и отправился к себе на Отрадный.

Квартира оказалась пуста. Автоответчик, правда, дружелюбно помигивал зеленым огоньком, внушая определенные надежды. Андрей надавил кнопку воспроизведения. Первые двое звонивших предпочли поиграть с автоответчиком в молчанку (оба раза это была Кристина, но она не подобрала слов), а третий звонок, к немалому удивлению Андрея, был от Бандуры-старшего.

– Алло? – сказал отец. – Алло?! Алло! – он немного запыхался, как обыкновенно случается с непривыкшими к автоответчикам людьми. – Алло? Сынок! Сын, это ты? С Новым годом тебя... – последовала пауза. Андрей услышал шумное, прямо в динамик, дыхание отца. – Ну, как ты там? Когда домой? Ты б это, черкнул пару строчек... Я это... Может, сам...

Голос оборвался серией коротких гудков, показавшихся Бандуре невероятно противными.

– Батя... – голос отца в пустой квартире прозвучал так неожиданно, и так не вязался с нынешней жизнью Андрея, словно и не голосом был вовсе, а смоделированным на компьютере воплем динозавра эпохи позднего протерозоя. – Откуда же ты позвонить исхитрился?!

Пробыв какое-то время под впечатлением отцовского звонка (чувства были противоречивыми и Андрей в них предпочел не копаться: и детство нахлынуло, и стыд за долгое молчание), он, в конце концов, сам взялся за телефон и набрал номер Планшетова.

– С Новым годом, чувак.

– Ага. И тебя тоже, чувак. По тому же месту.

– Планшет, есть дело. Давай, слушай сюда... – и Андрей изложил приятелю ни много, ни мало, план физического устранения Бонасюка. Как говаривал некогда товарищ Сталин: «Есть человек, есть проблема. А нет человека – нет проблемы». Все гениальное просто. Убийство – самое радикальное разрешение спорных вопросов. Действенное, как хирургическая операция. С той лишь разницей, что границы операционной не стеснены больничными стенами, а вместо скальпеля применяется пистолет. Или наоборот. Когда мир рассматривается в качестве хирургического стола. Кому как больше нравится.

План выглядел сырым и нуждался в существенных доработках, но общую концепцию Андрей обозначил четко: «Мочить Бонасюка, и дело с концом». Планшетов согласился помочь. За три тысячи долларов.

– Нигде ничего не слипнется?

– Это вряд ли, – ничуть не смутился Планшетов. – И потом, чувак, ты хочешь, чтобы все чисто было, без сучка, без задоринки?

Андрей вынужден был согласиться, что «да, именно такая цель и преследуется».

– За качество надо платить, – глубокомысленно изрек Планшетов. На досуге он довольно много читал. Пособия по маркетингу и менеджменту в том числе. Выводы были однозначны: «Себя надо уметь продать». Справедливости ради отметим, что Планшетов вообще был парнем неглупым, имел за спиной три курса государственного университета, то есть почти некон-

ченное высшее. Сложись все по другому, быть ему неплохим микробиологом, как покойная мама мечтала. Только вот, оказалось, не судьба.

– Тебя ж не парит, когда один «Паркер», как ведро китайских шариковых авторучек стоит, – с апломбом заявил Планшетов. – А от чего так? И то и другое придумано, чтобы каракули на бумаге выводить. Тогда, в чем разница? А разница, чувак, в качестве.

Скрепя сердце, Андрей признал, что аргументация у Планшетова железная.

– Хочешь дешево и сердито? Найди парочку туземцев. Они тебе толстого за сотку зелени в парадняке похоронят. А когда им менты на следующий день хвост прищелят, тут тебе жопа. Обоссать штанов не успеешь, как омовцы в окна полезут.

– Давай хотя бы за двушку, – попробовал торговаться Андрей. Доводы Планшетова были резонными, но цена уж больно кусалась. Не генерала милиции, в конце концов, требовалось отправить в преисподнюю. Подумаешь тоже – банщика ликвидировать.

– Трешка в самый раз, – уперся рогом Планшетов.

– Ладно, – согласился Андрей. – По рукам. – Это было его первое в жизни заказное убийство, и торговаться казалось неприличным. Одно было хорошо. Расчет предполагался после того, как Бандура заполучит сауну. Никакого задатка Юрий не просил. Да Андрею и платить-то было нечем. – Тогда подъезжай ко мне. Обсудим нюансы.

Планшетов прибыл к двенадцати, и они засиделись до глубокого вечера. Неувязок в плане ликвидации Вась-Вася хватило бы на три уголовных дела. Хотя, к слову сказать, лихо было придумано.

– Лихо придумано, чувак, – похвалил Планшетов. Андрей польщенно улыбнулся. – Только сильно заумно. Сам прикинь. Чем сложнее задумка, тем легче проколоться. – В подтверждение своих слов Планшетов даже привел пару примеров, почерпнутых из детективных романов. – Вся эта дурня с переодеваниями, париками, и ядом кураре, – много заморочек, короче.

– А ты что предлагаешь?

Оптимальный вариант: трубой по темени. Трявк, и клиент в морге. Карманы только вывернуть, чтобы менты головы не ломали. Сейчас гопников²⁰ развелось... – и Планшетов присвистнул, так, что стало ясно без слов: гопов наплодилось порядочно.

– Он с собой денег не носит. Мне Кристина говорила.

– Ментам откуда знать?

– Кристина расскажет.

– М-да... – протянул Планшетов, – если бы чувиха была на нашей стороне...

– И что тогда?

– Тогда... – Планшетов зашагал по комнате. – ...мы бы клиента красиво удалили. Тело на куски, и в реку. Или в кислоте растворить. В ванной. Раствор слил, пингвинов из «реставрации ванн» вызвал, они тебе за пятьдесят гринов новую эмаль уложат, и, концы в воду, чувак. Ты получаешь сауну и чувиху, а я свои три куска.

– Его хватятся. И меня сразу за рога. У ментов первый вопрос: «Кому убийство выгодно?» Вычисляют Ф.И.О. этого «кому», и давай по печени наяривать...

– Какое, в задницу убийство? Пускай сперва тело найдут. А потом доказывают.

– Докажут, – сказал Андрей. – Валенком с песком по почкам. Сам все напишешь. И что было, и чего не было. Аж бегом. Ты часом, Планшет, наших ментов с голландскими не спутал?

– Слушай? – воскликнул Планшетов, осененный гениальной мыслью. – У них погребок под домом есть? Знаешь, как раньше, между хрущевками?

– Нет. Они на Оболони живут.

– Плохо.

²⁰ То есть уличных грабителей

- Гараж есть
- А домашние соленья они хавают?
- Откуда мне знать? Меня на обеды не приглашают. А зачем тебе?
- Как зачем? Взломаем замочек. И в баночку с грибочками ботулинических токсинов.

Шприцом через крышку. Опочки. Глядишь, и не откачают. Сейчас «скорую помощь» не дозовешься.

– Что за хрень такая? – заинтересовался Бандура.

– Надежное средство. Через пару часов у Васька «мушки» перед иллюминаторами заскачут. Потом брюхо прихватит. Потом ему кислород перекроет. – Планшетов сделал страшное лицо и вытаращил глаза: – Ой! Я, поистине, задыхаюсь, кхе, кхе! кхе!

– Где ты свой ботулизм раздобудешь?

– Будь спок, чувак, – заверил Планшетов. – Это не твоя забота.

Андрей поверил, вспомнив, что Юрий недоучившийся микробиолог.

– А еще лучше – самим баночку с бледными поганками закрутить. Сели, откушали, и готово.

– Где ты в январе поганки раздобудешь? Не откладывать же до осени. Я, к тому времени, не исключено, с Кристиной вконец разругаюсь.

– Жалко, – огорчился Планшетов. – Было бы надежно.

– Чем тебе мой план не нравится?

– Сложный он чересчур, чувак.

Одним из постоянных клиентов Вась-Вася был некий Вадик Рубцов, предприниматель средней руки, поднявшийся на поставках бензина в Закарпатье. О Рубцове Андрей услышал от Кристины в конце минувшего лета.

– Что ты?! – захлебывалась в те дни Кристина, а ее глаза горели восторгом, совершенно не понравившимся Андрею. – Вадим очень толковый парень. Хоть и совсем молодой. И раскрутился, между прочим, сам. Без блата. Без пап, без мам и без дедушек. У него родители из глубинки. Какие там связи?! Всего своей головой добился! – она постучала по виску. Бандура позволил недоверчивую ухмылочку. Кристина немедленно завелась:

– Над чем ты смеешься?! Он и самолеты перепродает, и лес, и котлы газовые! По копейке сколотил состояние. Не пропил, не прогулял, как некоторые. Смешно ему, видите ли. Парень трудом и мозгами пробился, а не сидел сиднем, ожидая манны небесной.

Последнее замечание было стопроцентным камнем Андрею в огород, но, он и бровью не повел. Когда Кристина входила в раж, пререкаться было бессмысленно. Бандура на своем опыте убедился, что если ей случалось расхваливать того или иного имярека, то ее захлестывала такая патетика, какая не снилась даже лекторам по марксизму-ленинизму. Или дикторам «Международного ОРТ», переплюнуть которых практически невозможно. Андрей, если только не преследовал цели разругаться, приучился слушать ее излияния спокойно, без комментариев, просеивая выдаваемую информацию, как через сетку во рту финвала.

– У Вадима золотая голова. А то, знаешь, удобная позиция: у того папа в ЦК был, а у того в Совмине, вот они и выбились. А я сижу, одаренный, но без копейки, потому что из рабоче-крестьян. А знал бы ты, как он свою дочурку любит. И жену. Они одноклассники, с института вместе.

«На кой хрен ты эту лапшу мне на уши вешаешь, ума не приложу?» — еще подумал Бандура.

– А затем, чтобы ты не ныл: Кристя! Денег нет! Что делать, неизвестно. Вот тебе пример: работал парень на совесть, и с ленью матушкой не дружил. Вот и результат, на лицо.

– Откуда такая осведомленность, Кристя? Можно подумать, что этот Рубцов сраный твой брат, а то и друг?

Кристина смерила Андрея негодующим взглядом.

– Разговорились как-то. Я Василия Васильевича в сауне подменяла. У них замечательные отношения. Дружеские, доверительные.

– А с тобой? – не сдержался Андрей.

Взгляд Кристины сделался еще надменнее:

– За таким мужчиной, как за каменной стеной, если ты это имеешь в виду. Да только мне на таких не везет. Он жену любит. В сауну только со своей Татьяной. Такая пара замечательная...

Разговор на том оборвался. Вадик был предан забвению. У Андрея, поскольку история предпринимателя Рубцова была ему, грубо, до лампочки, в одно ухо влетело, а в другое вылетело. Так бы и пребывать предпринимателю Рубцову в забвении, так бы ему и раствориться среди прочих файлов памяти, если бы Кристина не напомнила о нем в самом начале декабря.

– Ты представляешь, Андрюша! – сказала Кристина. Они в изнеможении валялись на кровати, а часы показывали половину первого ночи. – Ты представляешь?...

– Что?

– Я тебе о Вадике Рубцове рассказывала?

– Не помню, – дипломатично соврал Андрей, хотя услышанная летом история немедленно всплыла в голове. – А что?

– Да есть у Васи клиент один. Бизнесмен вшивый.

– Что, по настоящему вшивый? – удивился Андрей, представив на минуту отвратительных белесых паразитов, копошащихся под лацканами двубортного пиджака.

– По настоящему негодяй! Мерзавец каких мало! Проходимец и иуда!

– Что он такого натворил? – поинтересовался Бандура, прикрыв глаза. – Кусок мыла из парилки спер?

– Жену бросил, подонок. Такая девочка замечательная. И умница, и миленькая. У нас с ней прекрасные отношения. Доченьке четыре годика. А этот прохиндей взял их – и бросил. Ничтожество.

– Бывает, – пробормотал Андрей.

– Ничего себе, бывает?! Они вместе институт легкой промышленности заканчивали. Одногоруппники, понимаешь? Пока она ему, скоту, жрать готовила, да труссы драные штопала, так устраивала. А как деньги приличные завелись...

– И много денег?

– Достаточно.

– Нашел другую? – предположил Андрей.

– И такую мегеру гадкую, – подтвердила его догадку Кристина. – Ты бы видел! Лет сорока пяти, как минимум. Мымра напыщенная. Губки ниточкой, того и гляди, вены вскроешь, если прикоснешься. Патлы крашенные, ноги колесом.

– Зато, видать, трахается, как крольчиха.

– Ты ошибаешься, – холодно обронила Кристина. – Просто она директриса крупного СП.

– Экономически верный ход, – улыбнулся Андрей.

– Убивать таких надо. Сволочей. Предал Таньку ради бабок!

– Ты, кстати, откуда знаешь?

– Как откуда? Этот подонок теперь с ней в сауне забавляется. Ни стыда, ни совести! Танюша, бедная девочка, ко мне в слезах прибежала. Так и так, говорит. Вадим ушел. У нее дочка на руках, родители в убогом селе, помощи ждать неоткуда. А он ни копейки не дает. Ни работы, ни связей. Хоть ложись помирай. Она к Вадиму, а этот подонок, ты представляешь, что ей заявил?! «Будешь меня доставать, еще и из квартиры вышвырну», вот что!

– Так значит, он ей квартиру оставил?

Попробовал бы не оставить. У его крашеной мегеры дом в Конче-Заспе.²¹ Что ему та квартира?...

– Это где вся элита тусуется?

– Элита... – Кристина сморщила нос. – Танюша на роботу попросилась. К Василию Васильевичу. Хоть уборщицей, хоть кем... Так у нас самих с деньгами туго.

– Вот бы ты этого Рубцова и послала из сауны куда подальше, – предложил Андрей, заранее предвкушая ответ. Кристина на мгновение осеклась.

– Сейчас положение такое, что на счету каждый клиент... – неохотно призналась она.

«Что называется, прямо в точку», – добавил про себя Андрей.

Вообще говоря, семейная драма незнакомой женщины и ее малолетней дочурки была Андрею по фигу. Таких в одном только городе море разлитое, а если учесть, что в мире нас миллиардов шесть, и каждый, хоть чего-то, да хочет, и далеко не всегда получает желаемое, пропорция получится явно не в пользу брошенной на произвол судьбы матери одиночки.

Прошел еще месяц, и в самый канун Нового года Андрей вновь услышал о предпринимателе Рубцове и «проклятой старой ведьме», разбившей молодую семью, как цветочный горшок из обожженной глины.

– Я только что из больницы, – сообщила Андрею Кристина.

– Откуда? – не понял Андрей, втайне подумав: «а ну, счастье привалило, и Вась-Вась при смерти лежит». Вскоре, однако, он узнал, что несчастная Татьяна наложила на себя руки.

Еле откачали, – сказала Кристина. – Она «Валиума»²² наглоталась. Теперь под капельницей лежит. Я ей денег завезла. Ты же знаешь, у нас медицина только на бумаге бесплатная.

Спорить было глупо.

– Представляешь?! Эта скотина безрогая даже в больницу не приехала.

– А ребенок их где?

– Ирочку бабка с дедом в село забрали. А Татьяна... – Кристина всплеснула руками. – Пока в реанимации. Она ему, гаду, позвонила, как только в себя пришла. А он, ничтожество паршивое, телефон выключил. Он, мерзавец, на днях угрожал, что из квартиры выкинет. Их квартира на него записана... Вот она и...

– М-да, – протянул Андрей. – Сурово. – «Вот бы Вась-Вася таккатапультировать».

– Танька теперь совсем не своя. Ох боюсь, как бы она снова чего не надумала.

– В смысле?

– Или его, жлоба, убьет. Или себя. Так мне и сказала: «Я, Кристина, жить не хочу. Но и он не будет». Ох и ужас!

Кристина продолжала тараторить, не замечая состояния Андрея. Молодой человек насто- рожил уши, охваченный блестящей, как ему показалось, идеей. Правда, идея оставалась в раз- ряде Голых Идей по январь, когда чаша его терпения переполнилась, и он позвал на подмогу Планшетова. Вместе они наполнили идею содержанием, превратив в по-византийски коварный план, подразумевавший примерно следующее:

Установить, в какой из дней рождественской недели Вадик Рубцов намеревается зава- литься в сауну со своей крашеной пассией. О намерениях Рубцова Андрей знал от Кристины. Она же разболтала Андрею, что горемычную Татьяну долго в госпитале держать не станут, не те сейчас времена. Подлатали тебя, скажи спасибо и отваливай. Дай подлататься другому. В особенности, если с деньгами не густо. Да и делать в наших больницах на праздники, по боль- шому счету, нечего. Следовательно, Татьяну ожидала выписка, неумолимая, словно смерть. Принимая на веру слова Кристины, путей у несчастной оставалось три. Либо молча утереться, да ехать в родное село, к папе, маме и дочурке, либо возвращаться в квартиру, которую супруг

²¹ Элитный поселок под Киевом. Въезд по пропускам, естественно

²² Сильно действующее снотворное

грозился продать, но навряд ли покамест успел. И начинать войну за место под солнцем. Без денег, друзей и покровителей, то есть без единого шанса на победу. Или, наконец, за камень, и в прорубь.

– Замки маловероятно, чтобы он сменил. Не на полминуты дела. Хотя, если такая гнида ушла, как Кристина описала...

– Все равно вряд ли. Даже физически тяжело.

– Ну вот и прикинь, – Бандура в упор поглядел на Планшетова. – Молодая баба сидит одна, в пустой квартире, без копейки денег. Дочка с предками в селе. Как-то вырастят, не пропадет. Короче, кругом все празднуют, а она одна одинешенька, в глазах слезы, а на душе пурга.

– Повеситься можно. – Пробрало Планшетова. – После больницы.

– Ну, а я тебе о чем? Первая попытка была неудачная, а со второй больше повезет. Усекаешь?

– Комар носу не подточит. А на кой хрен оно нам надо?

– На тот хрен, чувак, что перед тем, как себя жизни лишить, она в сауну съездит, навесит дорого супруга. С «ТТ» в сумочке. Понял, наконец? Тук-тук. Кто там? Это я, Танька с разбитым сердцем. ПАФ-ПАФ-ПАФ. Каждому урюку по пуле. Вадику, директрисе и Василию Васильевичу, под горячую руку. Вот как. Возвращается домой, и в петлю.

– А кишка у нее не тонка, троих туземцев положить? И потом, откуда у нее пистолет?

– Откуда я знаю?

– Вот. Вопрос.

– От мужа оставался.

– А у него откуда?

– От верблюда, Планшет. Да какая разница? Украл где-то. Спросить-то будет не у кого.

Пресекаешь тему?

– Положим, чувак, я пистолет достану. Не вопрос. Как я бедную чувиху заставлю?...

– Тьфу! Ты что, дурак? Никого заставлять не придется. Ты вламываешься в баньку и мочишь троих трахнутых клоунов. Потом бегом к Рубцовым, и вешаешь Татьяну в ванной. Что неясно?

– Ого! – Планшетов почесал затылок. – Четыре трупа. Ничего себе приход!

– Какая разница, сколько?! Обманутая баба очумела, взяла у мужа ствол...

– Чего б ей вешаться, если пистолет под рукой?

– Ну, – Бандура пожал плечами. – Откуда мне знать? Но я, честно говоря, не слышал, чтобы бабы стрелялись...

– Хорошо, чувак, – согласился Планшетов. – Допустим, я мочу козлов в баньке. Потом рую к Таньке, а она меня не впускает?

– Впустит. Оденешься сантехником. Или Дедом Морозом...

– А если она к предкам в село укатит? Тогда как?

– Тогда подбросишь ствол в квартиру. И пускай живет.

– Как я внутрь попаду?

– Ты же сам хвастался, будто любой замок раз плюнуть.

– Да замок-то не проблема. Следы взлома, чувак! Вот в чем загвоздка. Следы уголовка в момент срисует! И весь план коту под хвост.

– Значит, сначала повесишь Таньку, а уж потом перестреляешь всю кодлу в бане.

Планшетов крепко задумался:

– А если медэксперты вычислят, что баба сначала удавилась, а потом погнала из пистолета палить? С какой точностью они время смерти определить могут?

– Ты у меня спрашиваешь? Уточни, блин. Что, учебник судебной медицины достать не у кого?

– Накручено чересчур. Один прокол – и тью-тью. Знаешь, сколько повсюду глазастых пенсионерок с длинными ушами, чувак?...

– Деньги не малые, так что кумекай сам.

Пока приятели обсуждали детали, день за окнами незаметно обернулся вечером. Бандура отправился варить кофе, когда прозвучал звонок в дверь. Андрей глянул в глазок и сразу же отпер замки. За дверью стояла Кристина.

Секунду оба молчали. Потом Кристина шагнула через порог, и со словами «Андрюшенька, милый» повисла у него на шее.

Планшетова в две секунды спровадили. Впрочем, тот и сам, казалось, был рад убраться восвояси. **МНОГО БОЛТАТЬ ОБ УБИЙСТВЕ И СЕРЬЕЗНО ВЗЯТЬСЯ ЗА ДЕЛО – ВЕЩИ АБСОЛЮТНО РАЗНЫЕ.**

– Я тебе покушать привезла, – щебетала Кристина, высвобождаясь из объятий Андрея.

– И все?

Кристина замотала головой.

– Нет, не все, Андрюша. Я от него уйду. – В изумрудных глазах сверкнули слезы. – И остаюсь с тобой. Если не выгонишь...

Андрей крепко обнял ее:

– Как ты могла такое подумать? Но, одно условие. Я тебя никуда больше не отпущу. Никогда.

– Даже на кухню?

– На кухню можно, – подумав, согласился Андрей.

* * *

Переселившись «окончательно и бесповоротно» в крохотную хрущевку Андрея, Кристина взялась переоборудовать откровенно холостяцкую квартиру по своему вкусу и разумению. Она вила гнездышко, и, надо сказать, что, принимая во внимание весьма скудные средства под рукой, выходило весьма неплохо. С мужем Кристина не общалась. Даже по телефону не звонила. Так по крайней мере, она заявила Андрею, когда он поинтересовался, как там поживает Вась-Вась?

– Понятия не имею. – ее глаза были чисты, как вода высокогорного Клухора.²³ – А почему ты спрашиваешь?

Бандура был не в духе и только искал повода для ссоры.

– Да так, просто. Кстати, как ты считаешь? Не тесновато Ваську в трех комнатах? Лишние квадраты не жмут?

– Ты о чем, Андрюша? – Кристина сразу как-то осунулась.

– О том, что две лоджии, холл и окна на набережную, – слишком жирно для старого мудака.

– Пожалуйста, не кричи, – попросила Кристина. Выглядела она беззащитно, словно снова сделалась несчастной маленькой школьницей, которую вечно пьяный мерзавец отец надолго разучил улыбаться.

– А я и не кричу! – повысил голос Андрей. – Ты позвони дауну, узнай, как там твоя «девяносто девятая» модель поживает. Не заржавела в гараже? В сауне с травматизмом как?! Никто кипятком не ошпарился? Рэкетеры какие левые не наезжали? Ой, боюсь, со дня на день пожалуют!

Кристина всхлипнула, не похожая на саму себя. Это его окончательно достало.

– Так вот, я тебя спрашиваю, не жирно хорек устроился?!

²³ Высокогорное Клухорское озеро на Северном Кавказе расположено на отметке 2700 метров над уровнем моря

– Андрюша, что на тебя нашло? Мне с утра нехорошо. Живот болит. И ноги крутит!
– А у болвана ничего не крутит?!

Кристина расплакалась.

– Мне казалось, – проговорила она сквозь слезы, – что тебе была нужна я. А не сауна с машиной. Очень жаль, но видать, я ошиблась... – ее лицо позеленело. Согнувшись пополам, Кристина выскользнула из кухни и исчезла в ванной. Андрей поспешил следом, но дверь захлопнулась перед носом. В ванной побежала вода. Потом Андрей разобрал плеск и подумал, что Кристина умывается. А затем ее шумно и мучительно вырвало.

– Кристина?!..

Ответа не последовало. Андрей прижался ухом к двери, но услышал лишь журчание воды.

– Кристина. У тебя все в порядке?

«А ты не слышишь, кретин, в каком она порядке?»

Он караулил под дверью не менее получаса. Наконец, отодвинулась щеколда. Кристина была бледна, и казалась совсем потерянной.

– Что с тобой, детка? Тебя тошнит?

Кристина, держась за живот, прошла в комнату и улеглась на кровать, укрывшись одеялом с головой.

– Ты что, отравилась?

– Иди покушай, милый. – Слабым голосом попросила она. – Куриный суп на плите. С клецками, как ты любишь. Салат в холодильнике.

– А с тобой-то что?

– Ничего. Пройдет. Не волнуйся.

По пути на кухню Андрей испытал уколы раскаяния, впрочем недостаточные, чтобы испортить аппетит.

Весьма обстоятельно поужинав, наевшись до отвала, как сказал бы отец, или натасовавшись по самые гланды, как наверняка выразился бы Протасов, Андрей вплыл в комнату и приземлился на краешек кровати. Кристина лежала зажмурившись, и дышала ровно и тихо.

– Кристя?... – шепотом. – Ты как? Получше, а?

Она нерешительно кивнула. Губы дрогнули, сложившись печальной улыбкой.

– Ты не обижайся, хорошо? – попросил Андрей, по-своему истолковав ее состояние. – Я это... ну... сорвался... Ты понимаешь, день такой сегодня... Десять часов на ногах. Туда-сюда... Там крик, там угрозы... Осточертело мне все... Вот... Не принимай близко к сердцу, ладно?...

Кристина высвободила из-под одеяла руку и откинула ему челку со лба.

– Волосы у тебя такие мягкие.

Бандура воспрянул духом.

– Ты не сердись, да? Терпеть не могу с тобой ссориться. Мир, да?

Кристина ласково улыбнулась.

– Ты такой красивый у меня. И такой глупый.

– Почему это, глупый?

– Не знаю. Наверное, потому что молодой...

* * *

К вечеру разговор снова коснулся Бонасюка.

– Ты извини, что я сорвался, – попросил Андрей. – Просто я подумал... Мы с тобой тут ютимся, как кроты в норе, а он в шикарной квартире проживает. У него машина, а у нас нет.

Ну, на фига этому черту машина, если его, как ты сама говорила, от общественного транспорта прет?

– Он ездит на дачу. Редко, но ездит.

– Так у него еще и дача?! Вот и скажи – разве это справедливо? Ты ему бизнес раскрутила, чтобы он в баксах купался, а мы тут на сухарях сидели? Нет, ты что, Собес?

– Мы не сидим на сухарях.

– Пока не сидим...

– Перестань, Андрей... Не пугай меня... – в соответствии со своими словами Кристина и вправду побледнела.

– Счастье конечно не в деньгах, – продолжал он, беря ее под локоть. – Только, как ты считаешь, свой дом легче с нуля строить, или, когда кое-что за душой есть? Фундамент, например? Я ведь о нас думаю...

– Андрюша, – попросила Кристина. – Давай не будем. Мне с тобой хорошо. Я куда счастливее в этой тесной гостинке, чем год назад, когда у меня были и деньги, и большая квартира. Возможно, у меня не было главного. А теперь есть, понимаешь? В сравнении с этим все остальное кажется такой ерундой.

– Ладно, – пробурчал Андрей. – Пускай Бонасюк живет, кум королю, а мы будем лбом стены пробивать. У верблюда два горба потому, что жизнь борьба. Сегодня в меня стреляли. Промазали. А завтра могут и попасть. И, нету нас с тобой. Понимаешь? И ничего не сбудется, о чем мечтали. Мне эта работа – вот где. – Андрей провел пальцем по кадыку. – Я бы завязал, клянусь Богом, только где деньги брать? Ты думаешь, я не соображаю, чем могу закончить? В любой момент. Либо тюрьмой, либо моргом. Я же не полный идиот. – Он мрачно усмехнулся. – Но, куда бедному крестьянину податься...

– Для любого бизнеса нужны бабки. Чтобы вшивый ларек поставить, десять кусков возьми и выложи. Заводы стоят. Да я и делать ни черта не умею. Десять классов за спиной. Я б автомастерскую открыл, так опять же, ни инструмента, ни гаража. И потом: РАЗ ЗА РАЗВОДНОЙ КЛЮЧ ВОЗЬМЕШЬСЯ – ТАК И БУДЕШЬ ДО ГРОБА ГАЙКИ КРУТИТЬ. А тут, мурло старое, мудище, пятнадцать лет у тебя на шее. Ему ни черта по жизни не надо, у него и так все имеется. Вот и строй светлое будущее, как знаешь.

После столь жаркой речи Кристина притихла, а Андрей отправился в кухню – слов было сказано так много, что в горле пересохло. Вернувшись, он застал ее в той же позе, лежа под одеялом. Андрей двинулся к телевизору, и с хрустом нажал кнопку питания. Телевизор был черно-белой, здоровенной «Весной», лет на пять моложе Андрея. С круглыми ручками регулировки яркости и контраста, вращать которые было бесполезно. Экран диагональю в 62 сантиметра с удручающим постоянством демонстрировал сумерки. Будь то боевик, новости или шоу, действия происходили во мгле. Тяжелый корпус из шпонированного дубом ДСП напоминал башню артиллерийской установки броненосца времен русско-японской войны. Ламповые внутренности, нагреваясь, мерцали через щели в задней панели загадочным бордовым свечением, вырабатывая столько тепла, что Бандура сушил на телевизоре носки. Точно такой же «ящик» стоял некогда у родителей Андрея, так что конструкция была до боли знакомой. Но, почему-то не вызывала ностальгии. Андрей предпочел бы «SONY», или, на худой конец «Panasonic». Впрочем, приходилось довольствоваться тем, что есть.

– Телевизор черно-белый и жизнь такая же, – пробормотал Бандура, устраиваясь в ногах Кристины. – Пускай Васек по цветному смотрит. Он, видать, заслужил.

– Ну, что ты предлагаешь? – не выдержала она. – Убить его, что ли?!

– Зачем убивать? – ответ был заготовлен давно. – Переселить сюда, на Лепсе. Пускай возвращается на свою кафедру. Очень удобно – рядышком совсем. Добрел до трамвайчика, три остановки прокатился, и в Политехе. А мы проживем, как люди...

Больше за вечер не было сказано ни слова. То ли Кристина не нашлась с ответом, то ли слова Андрея, так или иначе, совпадали с ее собственными мыслями.

* * *

В конце февраля Кристина пару раз ездила в республиканский центр матери и ребенка, располагавшийся на Татарке, неподалеку от госпиталя МВД. Андрей об этом узнал случайно. А, узнав, забросал Кристину вопросами, но был вежливо, но твердо отшит.

– Провериться мне нужно. Только и всего.

Он решил не настаивать. *«К чему лезть в душу без мыла, раз человек не хочет говорить? Надумает – поделится».*

Кристина в последнее время изменилась – сделалась молчалива, как бы погрузившись в себя. Она не пыталась возражать Андрею, когда тому случалось завестись. Зато стала обидчива, и ее чудесные глаза часто наполнялись слезами. Даже Бандура почувствовал, что с Кристиной что-то не так.

– Ты, часом, не заболела, толстушка?

Кристина только улыбалась:

– Почему это я толстушка?

* * *

23, 24 февраля 1994 года

23 февраля (самого вечера Андрей припомнить не мог, разве что разрозненные детали) Атасов устроил грандиозную вечеринку по случаю очередной годовщины распавшейся на куски «непобедимой и легендарной» Советской Армии. Андрей вернулся домой в состоянии, которое сухие милицейские протоколы называют «порочащим человеческое достоинство». В армии ему служить не довелось, но он полагал, что пьет водку по праву: «Батя оттарабанил за двоих».

Доставившим бездыханное тело Атасову и Армейцу Кристина не сказала кривого слова, а едва собутыльники удалились, стащила с Андрея одежду, укутала одеялом и тихонечко улеглась рядом.

И утром не последовало скандала. Хоть Андрей его с содроганием ожидал. Около полудня она засобиралась.

– Ты куда? – спросил Андрей, мучавшийся, как раскаявшийся, но избежавший возмездия преступник. Если бы она накричала, ему стало бы легче.

– Андрюшенька, – она закончила упаковывать сумку, – ты меня проводишь?

– Куда?!

– Я ложусь в больницу. – Кристина предостерегающе подняла руку. – Ненадолго. Дня на три. Может быть, на неделю. На обследование.

– Какое обследование?

– Гинекологическое. Не беспокойся. Все нормально.

– А почему ты мне не сказала?

– Я хотела... вчера. Мне позвонили из больницы. Там место освободилось. Но... Ты бы меня не услышал...

Они неожиданно быстро добрались на Татарку, хотя и ехали с тремя пересадками. В больнице их, как водится, пустили по кругу: регистратура-ординаторская-приемный покой. Вверх-вниз по этажам и туда-сюда коридорами.

– То, что с тобой, не опасно? – жалобно спросил Андрей. Сама атмосфера больницы действовала на него удручающе. На лицах боль и страх, в воздухе запах лекарств и хлора, крашенные стены, белые халаты.

– Ничего серьезного. – Она погладила его по щеке. – А ты, оказывается, трусишка. – Вид перепуганного Андрея даже поднял ей настроение – раз переживает, значит любит, а именно этот вопрос не шел у нее из головы последнее время. – Трусишка? Зайка серенький?

Андрей замотал головой:

– Знаешь, у деда в Дубечках овчарка была. Здоровенная. Лапы – во... – Андрей максимально развел указательный и большой пальцы, чтобы наглядно продемонстрировать мощь тех лап из прошлого. – Лапищи! Такой пес мировой. Джеком звали. Батя его щенком с Целины привез... Он вечно какую-то живность подбирал.

– А что твой отец на Целине делал?

– Подымал, ясное дело. Как в книге. В «Поднятой Целине».

Это в той, что Брежнев написал?²⁴ – приподняла бровь Кристина.

Не знаю никакого Брежнева. «Поднятую Целину» написал Шолохов.²⁵ Даю гарантию национального банка.

– ЕСЛИ НАШЕГО, ТО НЕ НАДО!

– А что, Брежнев тоже что-то писал? М-ц, М-ц... – Андрей свел брови и смачно чавкнул.

– Ну, здравствуйте?! «Целину», и эту... как ее?... «Малую Землю»... Мы же в школе проходили. Ты что, на Луне учился?

– Ничего я такого не проходил.

– Ну конечно. – Она хлопнула себя по лбу. – Ты же малолетка, Андрюшенька. Как же я сразу не подумала. Когда Брежнев стоял у руля, его книги считались гениальными. А как только умер, о них сразу забыли...

– Отсюда мораль, – глубокомысленно изрек Бандура, – не пробуйте пера президентами. Пробуйте экс-президентами.

– Эксов читать никто не станет. Ничего-то ты не понимаешь.

Мимо проплыл доктор, на секунду задержавшись подле них:

– Вы Кристина Бонасюк? Мне Вадим Юрьевич звонил... по Вашему поводу.

– Я...

– Очень хорошо. – Кивнув, доктор поплыл дальше.

– Что за петух неумный? – зашипел Бандура. – Вот дать бы ему по шапочке, чтобы голова в трусы провалилась!

– Т-с... – Кристина прижала палец к губам. – Это же заведующий отделением. Не психуй. Я здесь по благу, еще в августе курс лечения проходила. Сейчас нужно повторить. Или ты уже забыл, что собирался завести семью?

– Ничего я не забывал.

– Вот и хорошо, милый. Лучше про собаку доскажи.

– Классная была псина. Джек. – Андрей улыбнулся, возвращаясь к воспоминаниям детства. – Джек... Лучшего пса я не знаю... – Андрей осекся, – если не считать Гримо, конечно. Хотя, Гримо, как ни верти, был все-таки собакой Атасова. Так вот. Джек ничего и никого не

²⁴ Кристина ошиблась. Творение Генерального Секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева (1907–1982) называлось просто «Целина». За свою знаменитую в свое время трилогию («Малая Земля», «Возрождение», «Целина») он даже получил Государственную премию СССР. Книгу изъяли из школьной программы после смерти генсека, поэтому Андрей, учившийся позже, ее уже не застал

²⁵ Роман «Поднятая целина» (1932–1959), посвященный «успехам» коллективизации на Дону, принадлежит перу Михаила Александровича Шолохова (1905–1984), советского писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе (1965) за роман «Тихий Дон» (1928–1929), который и принес ему мировую известность

боялся. Кроме ветеринаров. Он, еще в щенячестве, бок распорол. Дед в райцентр ездил, зашивать. И, с тех пор, как он где белый халат видел, так у него от страха ноги подкашивались.

– Ты, Бандура, умеешь перед больницей поддержать...

– Извини.

– Пес еще живой?

Андрей покачал головой.

– Как дед умер, дом опустел, Джек сам не свой стал. Выл, говорят, жутко. Мы-то в Венгрии были. Куда пса забирать? Мир, правда, не без добрых людей. Соседи сердобольные приютили. – Андрей вздохнул. – Но, пес и месяца после деда не протянул. Не ел ничего, не пил. Лежал себе, голова на лапах... ну, и...

– Вы Бонасюк? – перед ними стояла неправдоподобно широкая медсестра, приближение которой они за разговором проглядели. Ни дать, ни взять, жертва автомобильной аварии с обязательным участием катка. Это ели смотреть с фасада, но не в коем случае не в профиль. В профиль тоже жертва аварии, и тоже с участием катка. – Вы, я спрашиваю, Бонасюк? Пойдемте со мной.

Кристина сухими губами коснулась щеки Андрея, и побрела по коридору за медсестрой.

Выйдя из больницы, Андрей с наслаждением вдохнул свежего воздуха, чувствуя себя вырвавшимся из подводной лодки счастливым матросом.

Солнце пригревало по-весеннему. В ветвях чирикали птицы, почки на деревьях принялись набухать, а из окрестных домов выползли пенсионеры. В скверах вопила детвора.

Бросив рассеянный прощальный взгляд на фасад центра матери и ребенка, Андрей зашагал к остановке. Он было подумал заскочить на кофеек к Атасову, но, уже в троллейбусе вспомнил, что тот вместе с Армейцем укатил за город. Оставалось ехать домой. В пути Бандура умышленно заложил крюк. Вышел возле кинотеатра «Киевская Русь», некогда слывшего гордостью отечественного кинопроката, а ныне превращенного лоточниками в китайский квартал. И неторопливо побрел вдоль улицы Косиора,²⁶ которую через каких-то пол десятка лет переименуют в честь Вячеслава Черновола.²⁷ В те же времена правозащитник и будущий кандидат в президенты еще был жив, а не пустивший Вячеслава Ивановича во власть «КамАЗ» еще где-то ездил.

* * *

Улица привела Андрея к детской больнице. С возвышенности, на которой расположился ее корпус, открывался замечательный вид, и Бандура остановился, потянувшись за сигаретами. Противоположный гребень широкой долины, раскинувшейся по берегам Лыбеди, седлала дома Чоколовки, вытянувшиеся в линию, как броненосцы перед боем. Западнее горизонт сначала скатывался в низменность, к остроконечному куполу железнодорожного вокзала, а потом снова взбирался на гору, еле различимую под крышами Старого города. Андрей пересек по мосту проспект, спустившись Центральному загсу. Массивная конструкция из бетона и стекла выглядела аляповатой, напомнив ему снежную крепость, осевшую под весенним солнцем.

Когда Бандура, наконец, добрался домой, время перевалило за полдень. Квартира показалась невероятно пустой. Без Кристины она словно осиротела. Ничего другого Андрей не

²⁶ Косиор С.В., коммунистический функционер, член Политбюро ЦК ВКП(б). Казнен во время партийных чисток в 1939 году

²⁷ Черновол Вячеслав Максимович (1937–1999) – советский диссидент, журналист, один из основателей Народного Руха Украины. Был одним из наиболее вероятных претендентов на пост президента Украины. Погиб в 1999 в автокатастрофе, столкнувшись на трассе с грузовиком КамАЗ. Скорее всего, был убит, хоть следствие и прокуратура придерживаются иного мнения

ждал, потому, собственно, и тянул, с возвращением. Очутившись в полумраке гостиной, он уселся в кресло, носом к экрану телевизора.

«Не хочу я его смотреть».

«Не хочешь – не надо».

Вокруг стояла гнетущая тишина. Вместе с тем в квартиру настойчиво проникали всевозможные звуки, свидетельствующие, что одиночество в перенаселенном доме – понятие весьма относительное. Вокруг полно народу, и этот народ разделен жалкими гипсокартонными перегородками, которые при Хрущеве какой-то шутник окрестил стенами.

Где-то кто-то чихал, похоже, вредный пенсионер из соседнего парадного, владелец ржавой «ракушки» во дворе. В «ракушке» хранилась инвалидная коляска, знакомая, кому по памяти, а кому по фильму «Операция «Ы».²⁸ Коляска была не на ходу, но, пенсионер ее регулярно подкрашивал. Сверху препирались голоса: двое женских и один мужской. Слов было не разобрать, но дело явно продвигалось к скандалу. Несколько левее гремел молоток для приготовления отбивных. Это жлобиха из соседнего стояка, противная мымра лет пятидесяти пяти с шиньоном а la семидесятые, приготавливала на ужин битки.

«Каждый божий день битки уплетают, – подумал Андрей, и у него заурчало в животе. – Пока народ, можно сказать, голодает. Нет бы людям отдать или заделаться вегетарианцами, а излишки средств передать фонду развития демократии».

Где-то совсем высоко, на четвертом или пятом этаже звучало пианино. Бандура решил, то за клавишами ребенок, и ноты ему даются с боем.

«Загубленное детство, – вздохнул Андрей. – отпустили б парня во двор, мяч погонять. Ему один хрен медведь на ухо наступил. Коню ясно, что Ференца Листа из пацана не выйдет, хоть его к тому инструменту прикуй».

Кто-то слил воду в унитазе, и фекалии с шумом провалились в подвал, к канализационным стокам.

«С облегчением, друг».

Прорывающиеся в квартиру звуки никоим образом не нарушали царящего в ней безмолвия, а наоборот, подчеркивали, что ли. Потихоньку молодого человека сморил сон, и он мирно закивал носом.

А пока он пребывал в объятиях Морфея, ранняя весна легко сдала позиции зиме, обернувшись обыкновенной краткосрочной оттепелью. Налетели низкие тучи, и снег не заставил долго ждать. Температура упала до минус пяти. Бездомные собаки забились в подвалы, голуби попрятались на чердаки, а машины во дворах укутались белыми перинами.

Бандура наверняка бы подрых до вечера, не случись Протасову и Волыне забрести после обеда на огонек. Протасов принялся трезвонить в дверь в своей обыкновенной манере, чтобы звонку не показалось мало, сопровождая трели громогласными, адресованными Бандуре призывами: «Открывай, е-мое, жмот, пока я дверь не вынес. Ты что, Бандура, глухой?!»

Прятели проболтали до трех, обсудив, как уже известно Читателю, разнообразные способы обогащения, но так и не пришли к единому знаменателю. Схемы добычи денег выглядели заманчиво, словно красотки из «Play boy» или «Penthouse», но оказались такими же недоступными. Когда Протасов и Волына ушли, Бандура проводил приятелей до порога, машинально потрясая пустой банкой «Nescafe» над ухом, а потом встал у окна, раздумывая, чем бы себя занять. Вернувшись в комнату, он снял трубку и отстучал номер Планшетова.

²⁸ «Операция «Ы» и другие приключения Шурика», – комедия из трех новелл: «Напарник», «Наваждение», «Операция «Ы». (1965). Режиссер Л.Гайдай, автор сценария Я.Костюковский, в ролях А.Демьяненко, А.Смирнов, Н.Селезнева, Ю.Никулин и др.

Глава 6

ЗЕМЫ В СОФИЕВСКОЙ ПУСТОШИ

около трех пополудни 24 февраля 1994 года

Пока Бандура звонил Планшетову, Протасов, в сопровождении Вовчика, брел к остановке «скоростного трамвая». Как и предполагал Андрей, по пути он проклинал чертовые сугробы, грязь и слякоть тротуаров, мокрый снег с неба, свинцовые тучи, и вообще все на свете.

– Что за голимое дерьмо?! Нет, в натуре, Вовчик. Задрала меня эта зима гребаная!

Скоро они вышли к остановке, носившей имя «Героев Севастополя».

– Что за «герои» такие? – поинтересовался Волына.

– Герои Севастополя, Вовчик, это, блин, те пацаны, что все базы отдыха на побережье за копейки скупили. Врубаешься, да? Ладно, хватит балаболить. Двигай, давай, на хазе...

Согласно планам Протасова на остановке им предстояло расстаться.

– А ты куда, зема?

– Я по делам, – важно сказал Валерий.

– Может, я с тобой... – неуверенно предложил Волына. Возвращаться в одиночку домой ему хотелось, как солдату из увольнительной. На то были веские причины, о которых немного позже.

* * *

С ноября прошлого года земы обосновались в Софиевской Пустоши, поселке городского типа, прилепившемся к западной околице мегаполиса, сразу за Большой Окружной. Так что насчет загородного дома Протасов, в общем-то, не врал. Правда, дом не был особняком, как и поселок не считался элитным. Никакой развратной дочерью всесильного «газового барона» в Софиевской Пустоши, естественно, и не пахло. Ни дочкой, ни «газовым бароном», ни их халдеями, холопами и прочими господами, породнившимися с «газовой трубой». Там даже самим метаном не пахло. Жилище зем уже три года, как отсекали от газопровода за хронические и безнадежные долги.

Протасов и Волына арендовали комнату в большом и запущенном сельском доме, вросшем в землю, будто старый пень. Дом стоял на самой окраине Пустоши. У хозяйки, тридцатилетней Ирины Ревень, в одиночку выращивающей двух малолетних детей, неоплаченных квитанций за газ, электричество и воду накопилось столько, что впору стены выклеивать. Вместо обоев. От газопровода ее отрезали давно. И от электросети тоже. Сидеть бы Ирине с детьми, как в гражданскую, при лучинах, если б не сосед народный умелец.

После драматического визита желто-красного «УАЗика» Энергосетей местный «Кулибин» бросил временку от ближайшего столба, и снова восторжествовал Свет. Плевать, что краденый. Благо, кабель под рукой имелся, снятый с какого-то подчистую разворованного долго строя. Повесить же на ЛЭП «соплю», это не врезаться в газовую трубу. Операция обошлась Ирине в трехлитровую банку самогона, приконченную соседом буквально на следующий день.

Чтобы хоть как-то погасить долги, Ирина пускала в дом квартирантов. Протасов и Волына, очутившиеся в Пустоши сразу по возвращении из Москвы, не были первыми ее клиентами.

Ирина предпринимала и другие попытки, чтобы заштопать дыры в худом семейном бюджете. Главным образом, стояла на лотках, тем более, что крупный продуктово-вещевой рынок

располагался совсем неподалеку. Из села выйти, километра три полями прошлепать, через Большую Окружную перебраться, вот и вся недолга. Если на велосипеде, так вообще ерунда.

Рынок представлял собой хаотическое скопление грузовиков с обитыми жестью будками, торговля велась с колес. Кое-где, между грузовиками попадались брезентовые палатки, сколоченные из досок лотки, а то и просто ящики, застеленные клеенкой или газетами. Торговля шла бойкая, а народ попадался разный.

Ира, как правило, стояла на рыбе. Но, случалось ей и «ножки Буша» продавать, и бананы с ананасами. В торговле она не преуспела, хотя и весы накручивала, и пользовалась облегченными гириями. Научилась и пальчиком придерживать тарелку, и товар заворачивать в толстую бумагу. Вымачивать колбасу в воде, а сахар выдерживать во влажном подвале. Приспособилась она и от многочисленных проверяющих откупаться, и расценки соответствующие выучила. Кому, сколько и как часто давать.

Иногда вроде выходило неплохо. И деньги в кошельке водились. Но, частенько Ирина оказывалась в убытке. Раз жулик какой-то из-за спины стащил выручку, раз цыганка заговорила зубы и обобрала до нитки. На рынке день на день не похож. И еще Ирина пропахла рыбой так, что ей долго потом казалось, будто тяжелый дух следует за ней попятам, если не поселился в носу.

Сложности начались, когда зимой 91-го года умерла мама Ирины Екатерина Ульяновна. Приглядеть за детишками стало некому. Ира световой день трубила на базаре, а дети росли, как сорная трава в огороде. Колхоз к тому времени опочил с миром, захлебнувшись в долгах, всеобщем безразличии, пьянстве и нежелании работать на Дядю. Образование у Ирины было неоконченное среднее, знаний никаких, связи нулевые. Теплое местечко ее нигде не поджидало, а перспективы на будущее казались сумрачными и невеселыми. Они такими и были.

* * *

Отец Иры исчез давно, летом 79-го года. События того далекого очень душного лета отчеканились в памяти с такой кристаллической четкостью, будто разыгрались на прошлой неделе. Ирка честно гуляла каникулы после выпускного восьмого класса, с той беззаботностью, какая доступна только в пятнадцать. Экзамены отгремели июньскими грозами, на поверку оказавшись не такими уж и страшными, как круглый год малевали учителя. В общем, самое лучшее только начинало сбываться, а лето представлялось бесконечным, когда беда обрушилась на их семью, как срубленный молнией дуб. Отец, трудившийся начальником караула военизированной охраны какого-то крупного проектного института, не вернулся домой со службы. Вместо него нагрянула милиция, в таком большом количестве, какого в Пустоши не видели со времен Сталинской Коллективизации. А поскольку Коллективизацию в селе мало кто пережил (партактив разве что, с прихлебателями), то вышло как минимум событие сезона. Из обрывков разговоров Ирина поняла, что машина с институтскими зарплатами и премиями, сопровождаемая в тот день отцом, исчезла неведомо куда. Под причитания безутешной Екатерины Ульяновны милиционеры перевернули дом вверх дном, и даже истыкали лопатами сад. Следствие отработывало все возможные версии ЧП. Та, в какой на роль профессора Мориарти²⁹ примеривался пятидесятилетний начкар, была не хуже и не лучше остальных. Так себе версия. Бесплодная, как и все прочие. Несолоно хлебавши, милиционеры убралась восвояси, оставив безутешную Екатерину Ульяновну и Ирку, шмыгая носами, собирать разбросанные операми вещи. Как легко догадаться, деревенские сплетники, с той поры, пошли перемывать им косточки, в полном соответствии с нашими вековыми традициями, подмеченными Владимиром Высоцким: «...и словно мухи по углам, ходят слухи по умам...» Жена и дочь принялись

²⁹ Персонаж замечательных детективных рассказов о Шерлоке Холмсе Артура Конан Дойла, (1859–1930)

истово ждать главу семьи, но он так и не объявился. Ни в августовскую жару, ни в осенние дожди, ни когда замели снега. Ирина, по моде того времени увлекавшаяся поэзией, а в числе прочих и замечательными стихами Константина Симонова, на грустном опыте убедилась, что либо в каждом правиле случаются исключения, либо поэт где-то что-то напутал.³⁰

– Ой, Володенька! На кого ж ты нас покинул?! – всхлипывала Екатерина Ульяновна, заколачивая двери столярки, оборудованной сгнувшим супругом в саду. В старой летней кухне, чтобы не докучать домочадцам ревом собственноручно изготовленной циркулярки. Раньше, бывало, из столярки его калачом было не выманить. Эти доски, вбитые Екатериной Ульяновой крест накрест, и, в особенности черная скуфья, нахлобученная на голову, дали понять Ирке, что отца она больше не увидит. Если ваша мать вдова, то вы наполовину сирота, это же ясно. Такая вот математика.

Но, отец иногда приходил к ней по ночам. Сквозь сон до нее долетал его прокуренный, простуженный голос. Он шел мимо ушей, сразу попадая в мозг.

– Не брал я этих денег проклятых! – клялся отец. Ирка верила, естественно. Она и без того знала, что не брал.

– Оклеветали меня, доченька! Опаскудили. Оболгали, сволочи.

– Холодно тут, – жаловался отец, и Ирина слышала, как он растирает окоченевшие куцые пальцы, изуродованные фуговальным станком. – Холодно. И дышать тяжело.

Иногда Ирка даже хотела, чтобы отец и вправду приложил к тому давнему темному делу руки. *«Лучше бы он в Ялте, как сыр в масле катался, чем где-то в овраге лежал»*. А что лежит где-то, без креста и священника, Ирке подсказывало сердце.

* * *

Старшую дочку, Ксюшу, Ира родила летом 80-го, забеременев в девятом классе. Оттого и со школой довелось распрощаться. Ее и раньше не тянуло на учебу, пеленки же поставили окончательный крест. Три года все было более или менее благополучно, а потом, в разгар провозглашенной Андроповым компании «за дисциплину и что-то там еще...» отец Ксюшеньки сел в тюрьму за пьяную драку, закончившуюся двойным убийством. В селе это запросто. Хватили лишнего, слово за слово и пошло-поехало. За топор и по лбу. Раз, два, и готово. Прямо как в песне, исполненной Андреем Мироновым в кинофильме «Достояние Революции: «...вжик, вжик, вжик, оп! уноси готовенького...». Но, не так весело.

В Пустошь первый муж Ирины не вернулся. Может, осел на далеком Севере, а может, на лесоповале сгинул. Наши исправительно-трудовые учреждения не отличаются европейской прозрачностью. У отечественных ИТЛ ГУЛАГовская закваска, ежовские традиции.³¹ Стекла армированные, масляной краской замазаны. А за стеклами кирпичная кладка.

Поздней весной 85-го, под набирающую обороты Горбачевскую Перестройку, Ирина сошлась с Виталием, и вышло так, что он стал отцом ее сына Игорешки. Семейное счастье Ирины и на этот раз оказалось стеклянным. Только-только бабахнул Чернобыль, как Виталик загудел на зону за хищение колхозного ГСМ. Вынес-то всего три канистры: две в руках, а одну в рюкзаке за спиной. Зато списали на него все недоимки, накопившиеся за последние годы. Вляпался – отвечай. Виталику закатали по полной программе, и он ушел надолго «мотать срок», оставив Ирину с падчерицей восьми лет и сынишкой, которому и годика не исполнилось.

³⁰ Имеется в виду стих «Жди меня» Константина Михайловича Симонова (1915–1979), советского писателя и общественного деятеля, шестикратного лауреата Сталинской премии, редактора журналов «Знамя» и «Новый мир», автора романов «Живые и мертвые» (1959), «Солдатами не рождаются» (1964) и др.

³¹ Имеется в виду Нарком НКВД Николай Ежов (1895–1940) – нарком внутренних дел СССР (1936–1938), генеральный комиссар госбезопасности (1937). Один из главных организаторов массовых репрессий в СССР, которые часто называют ежовщиной. Сам, впоследствии, расстрелян. ГУЛАГ – Главное управление лагерей НКВД

Потеряв в 91-м мать, Ира очутилась в вакууме. Рассчитывать на помощь родни не приходилось, не было у Ирины родственников. «Ой одна я одинешенька, – стонала, когда становилось невтерпеж, Ирина, – только я, да дети мои малые. Никому не нужные на всем белом свете. Сироты мои дорогие». Соседи Ирину не видели в упор. Так уж повелось в нашем Отечестве, что богатых соседей недолюбливают. Процветание за соседским палисадом воспринимается болезненно, пробуждая зависть, постепенно разрастающуюся в ненависть и страстное желание поджечь соседский сарай. Еще хуже дела обстоят с соседями бедными, убогими. Их презирают и чураются, почитая бедность сродни заразной болезни.

Так что Ирина чувствовала (справедливо чувствовала) себя изгоем. Просыпаясь по утрам, она буквально физически ощущала существительное «нищета», написанное симпатической краской по фасаду ее неказистого домика, а также на собственном лбу и на лбах своих маленьких детей. Она, бывало, шла по селу, ощущая затылком недобрые взгляды: *«Держись от меня подальше, босячка»*.

«Я неудачница. Я последняя дура. Кто-то проклял нашу семью в какие-то давние времена, и ничего я с этим не поделаю». Иногда она перелистывала паспорт, ожидая увидеть штамп: «Врожденно-пожизненная нищета» сразу под печатью о прописке. Никакого такого штампа в паспорте у Ирины не было, но от этого не становилось легче. Неразрешимые проблемы висели на ней, как булыжники на шее утопленника, давили безжалостно, и недвусмысленно подталкивали к бутылке. Ирина сопротивлялась, как могла, но время от времени прикладывалась. Не без этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.